

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

«Я родился в России»

ЮРИЙ БЕРНАДСКИЙ

Владимир Леонов

«Я родился в России».
Юрий Бернадский

«Издательские решения»

Леонов В.

«Я родился в России». Юрий Бернадский / В. Леонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963688-1

Размышления и впечатления о новосибирском поэте Ю. Бернадском: И
мудрость вечную, как ночью синь морозную, Прольет вселенная на землю в
два ковша...

ISBN 978-5-44-963688-1

© Леонов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
От автора	10
Глава «Я родился в России»	16
Глава «Прогнозам вопреки»	34
Глава «Сквозь времена и облака..»	38
Глава «золотой Иероглиф» Бернадского	41
Глава Лирическая дерзость	45
Глава Поэзия судьбы и пути человека	48
Глава Капелька подлунного мира	51
Глава «Для доблести есть миг и для отваги»	55
Глава «В каждом человеке есть солнце...»	57
Глава «Просто верю...»	60
Глава « Не ради выгоды, славы и призов...»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

«Я родился в России» Юрий Бернадский

Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2019

ISBN 978-5-4496-3688-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Косточка разума и воздушная прозрачность души».

Книга В. Леонова «Я родился в России» (Юрий Бернадский) умная и талантливая. Я читал ее с удовольствием. Густо. Насыщенно. Неотразимая по силе лексического обаяния, восхищает полнотой жизни, буквально бьющей фонтаном. По энергетической емкости, заряженности оптимизмом – сильный мотиватор, особенно для молодежи.

Писатель В. Леонов привносит в мир духовные ценности и лексическую красоту русского слова. Богатый, яркий язык, отлично прописанный художественный мир; текст читается чувствительно тепло. Книга чем – то напоминающая Млечный путь – красивый, узнаваемый и впечатляющий.

Она тихо и ненавязчиво втягивает тебя в поток того, что действительно любишь. Такая книга не обманет. Полное равновесие трех начал: чувства художественности, мыслительности и глубокой содержательности. Книга очень личная и невероятно эмоциональная, наполнена солнцем, жизнью в ее лучших тонах – зеркальное отражение (удвоение) поэтического подвига Ю. Бернадского. Именно ради такой жизни, о которой пишут писатель В. Леонов и поэт Ю. Бернадский, и хочется жить!

Книга В. Леонова выражает собственную авторскую иллюстрацию времени, личный взгляд автора, со многими схолиями и подробностями, на жизнь нашей Родины. Она удивительнейшим образом выражает суть поэзии Ю. Бернадского, это древнее правило: «Куда бы ты ни шел, иди со своей душой».

Доходчивый язык книги, соединенный с повышенной выразительностью и образностью – вот такой он, пластичный и рельефный, эссеистичный язык книги. Он буквально как исповедь народа, этнонима: захватывает, побуждает вслушиваться, читать, переживать, осмысливать – слова здесь как ключи, правильно подобранные, открывающие любую душу...

Книга яркая. Очень эмоциональная. Удивительно сильная по духу и тексту. Трогательная и добрая. Написана с любовью, дышит теплом и очарованием от поэзии Ю. Бернадского, сравниваемый В. Леоновым с солнечным богом Фаетоном.

После такой книги уже нельзя не влюбиться в творчество Ю. Бернадского, которого я открыла для себе неожиданно, благодаря В. Леонову. А когда прочитала стихи, то уверенно, без сомнений, заняла позицию В. Леонова – **Ю. Бернадский это метеор на поэтическом небосклоне России!**

Эти строки В. Леонова ошеломляют своей пронзительной запоминающейся метафоричностью. Не удержался, чтобы воспроизвести их буквально, слово в слово:

– «...Можно смело утверждать: тот, кто взял в руки томик стихов Ю. Бернадского, у того навсегда исчез безмятежный свет в глазах, ведь не только все святые, но и сами духи ада, прислужники однажды воцарившего на земле нечистого, разверзшие врата бездны, внемлют царственным звукам поэта, а по его неровным дорогам и оврагам бродят, не смыкая глаз, бешеные волки и циклопы и воют химеры Собора Парижской богоматери.

Будут вечно звучат звуки поэтической лиры Ю. Бернадского, изумляющие всю Русь. Похожие на сон, в котором реальность, идиллия и легенда одновременно... И под солнцем, и под вьюгой, и под снежными бурунами, и когда просветлеет восток, и когда запылает запад... очаровывая, возбуждая любить больше, любить тоньше... в условиях сегодняшней суетности принимающие редкое, сродни космической метелице и звездному водопаду, чудесное, сказочное проявление...».

Этот язык, выражающий творчество В. Леонова и поэтическое дарование Ю. Бернадского – он такой родной, такой русский, раздвигающий все культурное пространство, насыща-

ющий его античными, мифологическими, библейскими, религиозными и историческими ассоциативными архетипами, мифологемами и реальностями; мудрый, дерзкий и осторожный, с той самобытной стройностью и смысловой ясностью, и выразительной патриотической ноткой, которая исподволь наполняет читателя чувством гордости за свою Родину, свою нацию, за такое «племя кипящее».

Слог наполняет радостным чувством за Россию, сравниваемую в книге В. Леонова и в стихах Ю. Бернадского с древним топонимом — «Россия как сказочная, мудрая страна» в которой живет «зрелость с чистыми порывами», владеющая таким могучим языком и умеющая мыслить образами и воплощать свои переживания в русском слове, да с такой насыщенностью, будто опрокидывается пьянящий ковш «правды сущей», которой издревле отличалось и славилось русское слово, как дар Бога. Вот как у Бернадского:

А мне бы жизнь прожить хоть раз
по людски, по совести

Книга В. Леонова о поэте Ю. Бернадском несет высокий гражданский, патриотический и просветительский смысл. Она создает у читателя настрой на оптимизм, добро и милосердие, приобщает к красоте и глубокой содержательности русской словесности. А в наше сложное время нужно уделять особое внимание достойному воспитанию подрастающего поколения: школьников, студентов. От правильной расстановки приоритетов зависит, каким станет будущее нынешней молодежи, а в конечном счете, и будущее страны.

Ю. Бернадский предстает в книге как восхитительный поэт с высокой ноткой самооценки и любви к себе и людям. Своей поэзией сделавший свою жизнь неотделимой от судьбы Родины, такой же как и Ю. Бернадский, всегда бросавшей вызов времени, преодолевающей бедствия, страдания. И еще — из книги Владимир Леонов:

— «Ю. Бернадский идет к вершине и по вершине. Его стихи есть духовно — нравственный ориентир, особенной предпочтительно и приоритетно ориентированный на мировоззрение молодежи. Мир человека в его стихах это не лужа и грязь, а высота полета, манящая и увлекающая. Ты словно бежишь по облакам, а не врастаешь в землю, настолько энергетическая заряженность пронизывает каждое художественное слово поэта...»

Искусство всякое, в том числе и поэзия, всегда срез психологической действительности автора. Ю. Бернадский предстает личностью цельной, целостной, сильным и зрелым, излучающий магию уверенности и счастья, умеющий мечтать, создавать.

Он из тех, кто смело смотрит на мир и может сказать: «Я ЭТО СДЕЛАЛ». Покоряет содержательностью стихов и изяществом словесной формы, целый салют позитивных мыслей и настроений, ярких и красочных, хорошо нормированных слов и увлекательных сюжетов. Можно сравнить с психологическим цунами, подавляющим все страхи и сомнения; самонаводящаяся ракета, которая точно и верно знает цель и не сбивается с курса.

Книга важна для воспитания школьников, в ней высокая духовность и бессмертные ценности мира: любовь, доброта, дружба, сострадание. Главное достоинство будущей книги, и в этом ее самобытность и неподражаемость — это непрерывное очарование и искреннее восхищение поэтическим талантом Ю. Бернадского, ими буквально светятся все страницы от начальной до последней.

Книга В. Леонова — сегодняшний классический образец высококачественной содержательной литературы, без трепана и вульгарщины, в которой так остро нуждаются не только молодежь, но и родители, педагоги, представители власти и политики. Она развивает интерес к родному языку и родной литературе, расширяет понятийный и терминологический корпус лексики, семантики, лингвистики и, вне сомнения, любви к Родине. Она очень светлая и по настоя-

щему добрая и умная- ведь именно такими по сути и содержанию являются стихи Бернадского. И потому вызывают у читателя только жизнерадостный тонус, тонус победителя!

Считаю, что данную книгу В. Леонова – (Юрий Бернадский) – можно смело рекомендовать для чтения и изучения в школах и вузах, рассматривая ее как компонент духовного саморазвития – пример, образец блистательного творчества Ю. Бернадского, насыщенного глубокого и мощного поэта современности.

Я желаю В. Леонову и Ю. Бернадскому всех творческих благ, процветания и счастья. Они этого заслужили!

Айзман Р. И., доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, отличник образования, член – корр. РАН, директор НИИ Новосибирского государственного педагогического университета

Отзыв о книге В. Леонова

«Я родился в России» (Ю. Бернадский)»

«Русский стих вздохнул»

Приобщение к самобытному богатству родной речи и родной картине мира начинается с книги. Поэтому в словесной сокровищнице всякой развитой нации существует особый раздел: качественная литература. Произведения этого раздела обязательно годятся и для детей, зачастую они с удовольствием прочитываются и во взрослой аудитории. Она учит их чувствовать родной язык и видеть мир так, как видят его соотечественники. Талант писателя эссеиста особый: он требует от автора повышенной выразительности и простоты языка, соединённой с показательной смысловой ясностью сюжетной ситуации.

Эти качества в полной мере воплотились в книге современного писателя Владимира Леонова «Я родился в России» (Юрий Бернадский). Основной сюжет, сам по себе стройный и продуманный, «ветвится» за счёт вставных жанров – мифологических, библейских, исторических. Она – смысловая интеллектуальная глубина и просветительская по широте сюжетов. И объем листов впечатляющий – более 400 на каждом листе разлиты ум, душевность и страсть. Это труд ума незаурядного

При этом текст построен так, что всякая деталь, всякая подробность повествования с любовной теплотой указывает на масштабность поэзии Ю. Бернадского. А между тем на таких поэтических дарованиях держится тонкий миропорядок, в котором мы оставались людьми вплоть до нынешнего времени. Книга Владимира Леонова напоминает эти реалии, заставляет о них задуматься сегодняшних читателей.

Таким образом, книга Владимира Леонова – это повествование о талантливом и смелом поэте, с ощущением счастья, которым о проникнута вся книга. Книга очень светлая, добрая, как сейчас говорят, «позитивная». А это, между прочим, едва ли не главное достоинство, в особенности литературы о современниках.

Нельзя не отметить абсолютно адресный характер языка, которым пользуется писатель. Она – для молодежи, думающей и растущей, и нуждающейся в примерах для подражания...

В стихах Ю. Бернадского – история страны, ее минувший век, глубь и дали времени и ее современность. Трогательно и ярко выписаны картинки и образы Родины, переданные со светлым эмоциональным накалом и глубокой чистой романтичностью. Так ее видел и понимал юный герой стихов, мальчик Юрий, представляющий Россию как сказочностью страну. Тема преемственности, тема благодарной памяти, воспоминаний, неотъемлемой связи человека с прошлым страны, историческим и культурным, красной нитью проходит через всю повесть.

Читал стихи – а узнал поэта Бернадского как раз от Леонова- и словно носил милую родину в душе. Веет от теплом и искренним очарованием. Нет ни злобы дня, ни словесного блуда, ни риторической назидательности. Вот прямо то, что надо детям и взрослым. В книге что – то от бунинского стиля, проникающего в самые сокровенные состояния души и сердца: размеренное, сдержанное повествование, но эмоционально звенящее и волнующее, живое и почти музыкальное. Точно высказанн В. Леоновым – кто не читал Бернадского, тот не знает поэзии...

Резюмирую сказанное. Поэзия Бернадского Кн является прекрасным образцом столь немногочисленной сегодня и столь необходимой качественной литературы. Она прививает молодежи вкус к родному языку и любовь к Родине, ее подлинным патриотам. Она тяготеет к ряду лучших образцов литературы последних десятилетий

Моё мнение таково: книга Владимира Леонова фантастическом поэте современности Ю. Бернадском имеет право занять своё достойное место и в домашних, и, возможно, даже школьных библиотеках, рядом с книгами самого поэта.

Во всяком случае, юный и взрослый читатель, взяв в руки эту книгу, о своём выборе не пожалеет. По крайней мере, я открыл для себя нового современного поэта Ю. Бернадского, с наслаждением читаю его лирику. И выражаю исключительно щедрую признательность писателю В. Леонову, подарившему мне возможность познакомиться с ярким поэтическим миром Ю. Бернадского

Хочется закончить свой отзыв строками Ю. Бернадского:

Обрести равновесие мне бы,
В чистом поле пройтись по стерне.
И, лицо запрокинувшись в небо,
Позабиться на мига в тишине.

Чтоб под сенью звезды путеводной
Отпустила печаль и недуг...
Полной грудью вбираю холодный
Исцеляющий Родины дух.

Акацатов А. М., преподаватель Новосибирского государственного педагогического университета, председатель Ассоциация учителей и преподавателей-организаторов Новосибирской области

От автора

*Искра Божья —
Отечества свет..
(Ю. Бернадский)*

Великодушный Читатель, мы впервые свидимся с тобой на страницах этой книги. Я представляю тебя истинным собеседником, человеком думающим и больше всего – добродетельным. Ты же поверь, мысли автора не лгут, слова не обманывают, ибо *«О стыд, ты в тягость мне! О Совесть...»* (Б. Пастернак).

Мое намерение, с которым предлагается тебе текущее словесное собрание, ты поймешь по мере чтения... На этот случай используем древнее суждение: *«Стучите, да откроется вам»* – Библ. Прибегнем к мысли Пушкина о том, что приятны те, кто разделяет твои чувства...

Но скажу одно, в книге нет прославления, важности и нравоучения. Она не исчисляет погрешности и пороки, ей неуместно исправлять грубые нравы. Она лишь рекомендует спасительную опеку разума, равно направленная против безнадежной усталости духа и заведомому «принижению» человеческого порыва к знанию.

Она не озарит тебя молниеносным словом и не потрясет силой шекспировского вдохновения. Однако речь идет о деяниях громких, сильных и перспективных, культивирующих идеал личности безудержно деятельный, творческий, «фаустовский»...

Есть единственное, пребывающее в ладу ума и чувств, показать тебе зримый оком, современного Одиссея, по-мужичьи работающего топором, чтобы построить собственный плот – *личность, всяким размышляющую и разрабатывающую себя исключительным сюжетом мыслей, идей и дел...*

Писал А. Экзюпери: «В основе всякой цивилизации лежит поразительный парадокс: человек уравнивает могущество толпы». Дополним советом Тибулла: «В одиночестве будь сам себе толпой».

При написании одного малого сочинительства автор не покусился на лесть и ханжество и помнил слова одного речужника: кто желает отдаться морю, тот не должен на реке страшиться слабого волнения...

А тебе, доброжелательному читателю, оставлю мнение древних писателей – если кто презирает малые вещи, тот никогда много разуместь не может... Спроецируем, как «солнечным зайчиком», сияние, которое исходит от легендарного Буаноротти:

– «Сидя под палящим солнцем, мальчик наблюдал, как молодой человек сосредоточенно откалывал куски от большой скальной глыбы.

– Почему ты делаешь это?

– Потому что внутри спрятан ангел, и он хочет выйти наружу», – ответил Микеланджело»...

* * *

Всмотревшись в свою жизнь честно и и непринужденно, я ужаснулся, увидев глубину своего заблуждения. Страх сковал меня! Казалось, невозможным проделать такую работу по переоценке ценностей и познанию себя!...

Вырваться из отупляющей действительности, мира вульгарности, очистить себя от гламурной накипи. Произвести обновление своей «внутренней цивилизации», впитав в себя яркий свет Жизни...:

Два мира есть во мне:
мир Христа и мир Мамоны,

мир Спасителя и мир Сатаны:
как мне вместиться в них». – Мудрость времени.

И вдруг, я почувствовал чье – то невидимое присутствие! Какая -то сила прикоснулась ко мне, и я понял – Возможно все!... раскрыть новый мир мыслей и чувств, передающих и состояние земной замороженности и близко физическому восприятие жизненного самозабвения. Еще в Библии сказано: *«Дух веет, где хочет»*:

Так же прадеды наши седые
Смерть встречали в лицо.
Чтобы сильные и молодые
Заменили отцов. – Ю. Бернадский.

И, как пушкинский Вальсингам, герой «Пира во время чумы», обрел «неизъяснимые наслаждения» от общения с поэзией Ю. Бернадского, пламенные стихи которого выражают любовь к жизни, дышат «настоящим», «счастливым днем», не упоминают о скоротечности жизни и освежают светлыми мыслями.

Они повергают душу в сладкие переживания – приходят воспоминания о том молодом, впервые пробудившемся чувстве, о юной красавице, взгляд которой, случайно встреченный тобой, затомил сердце; на них лежит яркий отблеск неувядающей строки Тютчева: *«И солнце медлило, прощаясь //С холмом, и замком, и тобой»*.

Они призывают не экономить на душе и искренности, повышают октановое число кислорода в капиллярах, питающих сердце:

Как лебединая песня дана
Мне эта Вечность... И Женщина эта. – Ю. Бернадский.

* * *

Речь в авторской книге идет о той поэзии, выраженной метафорой *«Устремленная ввысь»*, которая говорит о самом близком: о каждом из нас и о людях, среди которых мы становимся собой, среди которых отстаиваем себя, то сближаясь с людьми, то оставаясь в одиночестве посреди толпы. О поэзии, будто посланной светом дальним, сочетающей в себе всю загадочность звезд:

Найдешь в безбрежном том эфире
С Душою связывающую нить...
Бог есть. Жизнь обладает смыслом
У человека есть Душа. – Ю. Бернадский.

О стихах, проникнутых большой психологической и художественной правдой, когда впечатления от внешнего мира органически слиты в них с твоими душевными ощущениями. С твоей заботой о будущем. С твоим интересом верить и любить, не конструировать абстракции, а выращивать семена на плодородной душевной равнине. Фет словно подсмотрел твои мысли, когда написал:

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь.
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

О том поэте, на сердце которого камнем Полифема, колоссальным обременением лежит вся циклопическая нелепость и уродливость нынешней эпохи. Который несет груз этического решения, сумев выразить все насущные вопросы человеческого жития, ибо они и сегодня остро волнуют нашу веру, культуру и государственность. Писал Тютчев: «... *Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле*»:

Порядочность, верность и вера в людей
Дают мне три точки опоры. – Ю. Бернадский.

Да, внимательный читатель, ты прозрел... чисто русское явление, поднявшее из своего пройденного такой существенный характер, «Мелькартовый столп» современной поэтической России... новосибирский поэт Юрий Бернадский. С жизненной целью простой и ясной: «*Чтоб идти за мечтой и не сбиться с пути...*» – Ю. Бернадский:

Кто я? Лист на ветру на осине,
Что трепещет с неясною тоской...
Но зачем – то, беспечный РАЗиня,
Видно нужен тебе и такой. – Ю. Бернадский

* * *

* * *

Автор приглашает вас в путешествие по реке творческой жизни Бернадского, имеющей непременно три чистых источника: его поэзия не превращает мечту в пытку, а жизнь в святость; свободного черта в повязанного ангела; о насилии вами судьбы мысль ею не владеет: «*Твою мечту буду беречь я*», – так ответила Планета Маленькому принцу. (Антуан де Сент – Экзюпери.).

Тем самым вместе с поэтикой Ю. Бернадского видеть в жизни новые миры с новыми чудесами красоты, чтобы сказать: «*Эта сказка под названием жизнь – у тебя есть „Я“. Вместе мы справимся – для этого будем проводить каждый день без тревоги, трусости и притворства*».

Вместе с поэтом будем продираться сквозь дебри действительности, находит себе дорогу среди заросших невежеством тропинок знаний. Вzbираться на горные кручи истории, чтобы распознать прошлого пути и рассеять мрак будущего: «*Анархии с хаосом мы супротив...*» (меткость Бернадского) ... При этом соблюдая три жизненных правила; если вы не сделаете шаг вперед – вы не сдвинетесь с места; если вы не спросите -вы не получите ответ; если вы не попробуете – вы не добьетесь цели:

Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе.

Писал Гомер свою вторую поэму: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, / Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, / Многих людей города посетил и обычаи видел, / Много и горя терпел на морях, о спасенье заботясь...»

На поэтическом плоту Бернадского, (словесная инверсия мифологемы о «плоте Одисея») мы пересечем воды жизни и истории, которые не просто никто не пересекал, но которые никто так и не видел... но достаточно очевидно и об этом следует сказать: именно так мы можем понять свою глубинную природу, самих себя – только необычное, несхожее с банальным поэтическое озарение способно дать результат. Тот самый, пушкинский: «Жизнь – вот истинная дама сердца»:

Кому – подвал, кому престол,
Добра не выбрать из двух зол.
Когда по совести – и правда лишь одна. – Ю. Бернадский.

Вслед за поэтом, как за дантовским Вергилием, мы пойдем сквозь этические, философские и исторические интересы, «Воронку дьявола» (образно, из Данте), которые нас окружают, сквозь блеск всего мира красоты и спускаемся в мир современного человеческого существования, который стал для нас непроходимо сучен...:

Ждем красивую жизнь, и дождемся, покуда
Наши души убожество духа разьет. – Ю. Бернадский.

И к удивлению обнаруживаем, что Бернадский поворачивает зрение нашей эпохи: его поэзия, его лирическая полифония... *отзывается неумным раздольем...*», научает нас (многих) видеть сквозь пленку внешних событий – существо бытия, живое и трепетное, однажды обожженное страстным жаром Н. Некрасова: «Когда из мрака заблужденья// Горячим словом убежденья//Я душу падишю извлек...»:

Пусть процветает родовое древо
Одно на всех в заботе и тепле...
Нам говорит, – настало время сева,
Проросшая пшеница на столе. – Ю. Бернадский.

* * *

Проросшая пшеница – *традиционное обрядовое дерево, символизирующее вечную жизнь.*
* * *

Смею высказать одно ригористское соображение, понимая, что оно вызовет в ком-то дух Фронды, дух сопротивления: в нем поэзии больше, чем во всей отечественной словесности. На этот счет автор статьи обратился за поддержкой к библейской общепризнанной мудрости, вложенной в уста Христа: «Да воздастся каждому по делам его... по вере вашей да будет вам» (от Матф.)

Органический замес, дающий всходы всех желаний и целеполаганий, создан в далекие времена и сегодня актуален, свеж и плодоносит: *Творец не железною рукою наводит порядок, но действует любовью и добротой И Сам есть Любовь и Доброта.*

Именно в таком свете автор увидел блистательную поэзию Бернадского, постарался четко и ясно изложить свой концепт понимания его поэтического мира, в отличии от Данте не «...сбиваясь с верного пути», а лермонтовском акценте – «свободы для заблуждения» не отдавая:

И не знает Совесть отдыха и сна.
Даже если подлецы кругом и плуты.
Даже если ты – вконец уставший путник.

Не позволит заплутать тебе она. – Ю. Бернадский.

* * *

Истории, легенды и мифы, простота и мудрость крылатых слов вошедшие в авторскую книгу по ассоциации со смыслом стихов, будут невольно захватывать вас, заставят энергичнее включиться в ритмику поэзии Бернадского, формировать высокое эстетическое, этическое и гуманное восприятие поэтического мира Бернадского. Точнее, чем Фет, суть его не выразишь:

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

Авторские схолии (короткие комментарии) посвящены философским, мифологическим, историческим, географическим, текстологическим вопросам, затронутым Бернадским в поэзии...

Книга полезна и актуальна для всех ценителей русского языка, русской поэзии и русской культуры, она придает яркость и красочность лексике, увеличивает «интеллектуальный мускул», понятийный и терминологический словарь думающего современника, имеющего интерес «*побеждать, чтобы восхищать*» -протопоп Аввакум.

* * *

Притча. Быть центром внимания!

Спросил мудреца – что делать, если про тебя идут слухи?

– Если про тебя идут слухи, значит, ты – личность, – отвечал мудрый. – Запомни: никогда не осуждают и не завидуют плохому. Завидуют лучшим, обсуждают лучших. Лучше быть центром внимания, имея скандальную репутацию, чем находиться в примитивном стаде осуждающих.

* * *

Автор книги объясняет свое восприятие творчества Бернадского с максимальной ясностью, изложение ненавязчивое, как и сама поэзия, запоминающаяся надолго, – она человеку и миру «дарит стройного пения лад», если применить античную риторику.

Без пиета, как воздух для легких, так и пища для души – поэзия Бернадского. Она – питатель Красоты слова и смысла:

В красоте мироздания слиты конец и начало.
И рождение звезды и гробница Святого Петра.
Простота мудреца, невозможность достичь идеала.
Притяжение родственных душ у ночного костра. – Ю. Бернадский.

Уверяю тебя, будущего читателя книг Бернадского, ты приобретешь столь замечательное познание в области природы и человека, истории, культуры и языка своего народа, которым говорит само величество Время, что оно причинит тебе величайшее удовольствие:

Забывших ценностей растаптывая крошево,
Ты остановишься на миг, поняв не вдруг,
Что у тебя гораздо больше прошлого
В балансе, чем будущего, друг. – Ю. Бернадский.

Остается только добавит к этому предупреждение человека с «железным намордником»: *«Так обманывает нас время под маской пространства»*. (А. Шопенгауэр).

Рискуя попасть под бульдозер, которым славные мастера – критиканы («бессмертие свиноподобного размножения») укатывать все необычное и несхожее в плотный асфальт (как он вознамерился хвалу себе напрочить!), выскажу маленькую надежду, (и чем жизнь не балует!), что представленное истинному читателю данное сочинение станет для него, пусть и не сегодня, а в дальней перспективе (или – не смеши черта!) настольным, когда придет время поиска знаний и добродетелей (скажете – ну и замахнулся!), чтобы мог он сказать: *«А ведь Бернадский – это талантище! Он – это его поэзия, и нет другого Бернадского. Незаменимые есть, неповторимых -нет!»*

Глава «Я родился в России»

*Я родился в России,
И, видать, неспроста...*

«Кто хочет понять поэта, должен вступить в его область», – сказал Гете...

Бернадский стоит в ряду поэтов России нового времени, моральных интерпретаторов целей и смыслов отечественной идеологии и культуры, открывая шлюзы потокам Правды и Красоты:

Мне верните Россию,
Где рябина в окне.
Утром ноги босые
Росы выступит мне. – Ю. Бернадский.

Через поэзию Бернадского мы чувствуем и русскую землю, и небо, под которым родились и живем. Живой и видимый, всматривается в нас своими всепонимающими глазами и говорит открыто:

Под защитой созвездий
Все живое на Земле.
Мудрость древнюю приемля,
Красотой полна душа...
Пусть Стожары льют на Землю
Счастье людям в два ковша. – Ю. Бернадский.

Его волнует Родина и Сograжданин. *«Страшные загадки русской души...»*. Как когда – то волновали Гоголя: «Русь, чего ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Зачем глядишь ты так и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?...»

И потому его поэзия вмещает далекую древность и современность России, все поведение и умонастроение Великого народа: *«Ведь он русский: стало быть, ему все под силу, все возможно!»*:

В нас оптимизма меньше год от года.
Прогнозам мы не верим ни на грамм.
Мы – прихожане, только без прихода.
Мы веруем, но путь не помним в храм.
Чего боимся и о чем мечтаем?
Что радует и сводит нас с ума?...
Нас мучают обманы и невзгоды,
Несбывшихся надежд заели вши... – Ю. Бернадский.

Сильный мастер резкого слова и один из родоначальников современной поэзии совети: *«Стыд один. // Культурка, падла, // Не поднять – так низко пала. // А журналы и кино – Все про секс, да про убийство // Из -за денег... -Просто свинство... // Все – про деньги. Просто шиза...»*.

Наполняет емкость жизни пушкинской страстью, драмой и верой, умением переносит на свои страницы куски бытийного ристалища, как их преподносит жизнь, ничего не смазывая, не причесывая и не сглаживая. Писал Пушкин:

Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения Ума Священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость. — А. С. Пушкин.

Во имя высшей неизменной правды Бернадский несет в стихах верность *«нравам лет и стран»* (Буало. «Поэтическое искусство»), точность историческому и сегодняшнему колориту жизни, считает обязательным для себя правилом излагать мысль ясно, правдиво и не тривиально.

В. Маяковский чувствовал это, понимал и говорил: *«Не беда, если моя новая вещь хуже старой. Беда, если она на нее похоже»*:

А в закоулках духа шоумены
Опять готовят «пищу для души»,
На оба глаза окосев от лжи.
Средь бела дня Россию обокрали.
И мы же виноваты без вины... — Ю. Бернадский

* * *

Ю. Бернадский не играет театрализованно с судьбой и историей Великого народа:

Властью в правах пораженный,
Горя с лихом хватил...
Обескровленный, веры лишенной,
Как народ победил? — Ю. Бернадский.

Его поэзия – это не душок национализма и прочих фобий – юдо, хачи, мигранто; это не нарочитая сага о том, как «смелый» Юрий постмодернистки «лягнул мертвого льва» – немые языческие капища и погосты России – и провел акт Пражской дефенестрации – пре-парировал и выбросил на свалку истории всю мощь и величие Родины; это не демоническое, безмерно гипертрофированное милитаристское русское «Я» – таким смертельным ядом пропитана истерия *«иноплеменных»* (Тютчев наименовал Европу) :

По чужому примеру
Слепо шли в западню.
Принимали на веру,
Словно дети, брехню...

Мы слегка заплутали,
Путь пройдя непрямой.
Из заоблачных далей
Мы вернемся домой. — Ю. Бернадский

Все в точности наоборот. Он ловит потоки сознания всей социальной среды. Поэтический труд Бернадского – это восстание духа, стремление к высоте и полету – «*Предельной воли глоток захватить...*» (в определении Фета):

Лояльность к власти – общества опора.
Но нам она, как водится, не в масть.
Завет от Ионна Богослова, —
Что «вавилонская блудница – власть»
В конце концов так низко может пасть. – Ю. Бернадский

И шарится у нищих по карманам
То олигарх, то государь... увы...
Такой досуг, – хоть вешайся на сук.
Он видит в России и безмерно гордое, возвеличенное предками, состояние Славы
и Победы, и другое начало – душевное, эмоциональное, отзывчивое

Но верю я, – прозрение рядом.
Мир можно заново открыть.
Окинуть благодарным взглядом.
Не из корысти полюбить. – Ю. Бернадский

Это стихия пробуждения, обжигающая истиной каждое слово. Стихи размышления о судьбе собственной Родины с желанием понять ее путь и фактор развития: «*Мы искали град Китеж – // Светлый рай на земле*» — Ю. Бернадский.

Стихия предупреждения, обличения. Порой – гнева и скорби. Но без намека на возвращение жуткой антропофагии: «*Новое исходно может быть только насилем или жестокостью*». Желание трезво взглянуть на народ и Россию, разобраться в алогичности и запутанности бытия, в невероятной сложности характеров и мировосприятия российского общества:

И пора б оглядеться,
Как и где я живу.
Малой родиной с детства
Ту деревню зову. – Ю. Бернадский.

Подлинно национальный поэт, поэтический патрон, взрывает и переделывает взгляд современника на историю России. Очень подходят к его позиции слова Дантона: «*И я также люблю мир, но не мир рабства*».

Как любил мир, людей и свободу тот русский поэт, о котором спустя сто пятьдесят лет после гибели написали: «С ним русская литература вошла в мир, как сама Россия вошла с императрицей Екатериной Второй в число великих держав. То европейское сияние, которое, как и русское, исходит от Пушкина, было спроецировано, как лазером. в Европу, от Гоголя до Достоевского, и перед этим новым источником света Европа не могла устоять... его смерть была оплакана как подлинно национальное бедствие и оставила невосполнимую пустоту в русской литературе.»

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —*

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит.

Стихия непоколебимого духа. Известно выражение: «...сам оставался господином своим среди всех оскорблений»:

*Дуря от вражды и недоверия,
Святых не помним, стариков не чтим... Ю. Бернадский*

Поэзия национального духа. Поэтическая ракета, летящая строго в мишень – славную историю Отчизны: «...история предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество – Н. М. Карамзин:

С оскалом диким загнанного зверя
Сквозь бурелом столетия летим,
Не обрета достойного пути...

И здесь же поэт обретает силы, до времени спящие внутри:

Страдая от неутолимой жажды,
Отечество не можем разлюбить...
Величие не в силах позабыть...
Но, будучи и сотню раз обманут,
Народный дух очнется ото сна,
Устав терпеть и верить, что настанут
Когда – нибудь лучше времена...
Расправит плечи древняя страна. – Ю. Бернадский.

Бернадский рожден в стране контрастов, парадоксов и противоречий – России – с ее двумя отталкивающимися полюсами, только в борьбе между собой и находящих смысл существования. Одно начало – этногенетическое пространство с надвременным метафизическим определением «великий русский народ», другое – сама конкретная жизнь этого великого народа, условия народного бытия и частного быта во всех формах мирского, противоречивого. Бернадский – наследник всех этих социальных массивных торосов, и его душевный уклад вибрирует от их натиска:

Что родился в России,
Вам поклон до земли. – Ю. Бернадский

Спектр своих сердечных болевых ощущений автор локализует в следующем видении: «Бернадский отнюдь не юродствует над всем, что видит вокруг себя: как хранитель слова, он раздражена его вульгарностью и пошлостью, как человек с честолюбием – презирует низость, как талант – лесть и обманки внешние для него ничего не значат, но никогда не хотел бы он переменить прошлое, или создать новую историю своей судьбы, «кроме такой, какую ей вручил Творец».

Поэт, чья палитра «знает небо, но проникнута землей», разрушитель духовного бонапартизма века с его всеядным милитаристским безумием. Мудрец и философ, в котором сходятся общие для человека и человечества идеалы земного устройства («вечного мира» на земле), сходятся и в представлениях о человеческом счастье, понятиях о человеческой личности, капитальных принципах Добра и Зла, и о гармонии, земной и художественной:

Счастье...

Неподвластно мудреной оно ворожбе.

Если нет его – не совершается тризна. – Ю. Бернадский

Один, но един, пребывающий в своем душевном створе, который нередко становится для него очистительной купелью, живет мечтой страстной: извечно не маяться и не каяться, видеть в пророчествах судьбы только Любовь чудесную, слезинку милую и белый бархат цветущих по весне всех цветов и деревьев русского Армидина сада:

Разгляжу и на невидимом мосту,

И во тьме твою любовь и красоту.

И во сне и наяву

Я судьбой своей зову

Ту, с которой я не мог не повстречаться. – Ю. Бернадский.

Античный мифологический Харон, мечтающий перевозит душу человека от скверны, равнодушия, к трепетному состраданию и милосердию.

Он не грязнет в суете, рутине и покое. Он всегда делает первый шаг к тому, чтобы быть в настоящем. Она живет в этом настоящем, как ребенок, ничего не пропуская и делая самое важное для себя, людей: «...ибо я един во всем человеческом».

Жизнь для него – не готовый к употреблению продукт. Ее порождают его действия. Он понимает и создает ясную картину миру, возможность для русского человека прикоснуться к знаниям, им выношенным, выстраданным:

Ты, моя обычайная Русь...

Ты до времени будто спала,

В тишине совершая молебн.

Для тебя на земле и на небе

Золотом горят купола. – Ю. Бернадский.

Его стихи передают живой облик страны, которая есть наша общая родина и которая некогда была велика и могущественна до такой степени, что казалось в поднебесной она одна не подвластна судьбе, что вопреки обычному ходу вещей, разрушению и исчезновению, она одна предназначена существовать вечно: « *И с иконы глядела // Русь, и верила в нас*». – Ю. Бернадский.

Слишком патетично, усмехнется кто – то, – и как бы правда, но... если он не знаком с предположением Достоевского, что *выше России может быть только истина*:

Дай же, Господи, силу

Нам с тобой устоять.

Из России в Россию

Мы вернемся опять. – Ю. Бернадский.

Он создает «образец» поэзии, как истории судьбы Личности и Родины, связав их единственной нитью – единством духа, всегда морального, столь характерного для личностного мировоззрения Бернадского:

И пусть она сегодня нездорова, —

Нет моды в нас страну в беде бросать...

Пусть лишены достоинства и крова...

Как бы осененного покровительством российской императрицы: *«Неллищмерным сердцам во благо тем рука божия покровительствует»* – Екатерина II:

Видим цель. Своим идем путем.
А на их «Резервную систему»
Крепкий кол осиновый найдем. – Ю. Бернадский

* * *

В исследовании сущности «человеческой природы» Ю. Бернадский – воплощение устойчивой поговорки, культового мема – *«Ab ovo Ledae incipere»*, («начинать от яйца (яиц) Леды»), – поэт подробно, буквально со всеми уточнениями и в деталях постигает феномен Творца – душу и дух людской, следуя призыву Марка Аврелия: «Каждое дело исполняй как последнее в своей жизни»: то есть не будь формой без субстанции, бытием без жизни или жизнью, лишенной движения, *«несчастьем невских берегов»* – (А. С. Пушкин):

Бернадский пишет стихи для людей, которые очень человечны. Для —«...нации мечтателей». Для тех, кто защищают человеческую праведность и хотят быть только на стороне истины и милосердия. Для тех, кто делает жизнь достойной жизни. Он родился под счастливой звездой, и он хочет, чтобы люди также были счастливы:

И когда вам наскучит по свету мотаться
Приходите в мой дом. Приходите в мой дом. – Ю. Бернадский

Он по – пушкински тянется к естественности и простоте, по – гоголевски несет необычную нравственную энергию – «я люблю добро», по —лермонтовски ищет свободу и восхищается ею, по – фетовски – сгорает величием природы, – и все синкретичное, без фальши и лицемерия, без шекспировского «беса каменосердного» все питает в нем голос человеческой силы, человеческой души, влюбленной в жизнь:

Сочный хлеба домашнего запах
И напаренной каши в печи...
Ель во мху на раскидистых лапах,
Вкус смолы, что немного горчит. – Ю. Бернадский.

Бернадский выучивает читателей думать, искать в самих себе воображения, увлекаться грезами души, растить очарование к повседневной жизни. Ее стихи возбуждают горячее сочувствие и милосердие, чуждость происходящему людскому непониманию, равнодушию и мелкому эгоизму

В его сердце живут рядом чувство близости среди людей и непреодолимая жажда родной души, – такой же по – лермонтовски всепонимающей —«...стал я понимать душою беспокойной», – прощающей, близкой поэту своими необыкновенно глубокими чувствами, пленяющейся загадочными, но сильными образами:

Поэзия Ю. Бернадского – это название мира, бесконечного в своей красоте и мудрости, поразительного в своей христианской героике, эмоциональной правдивости... и вечного, потому что Великое Художественное слово не умирает. Этот мир существует вокруг нас, в нас самих. Ведь души наши всегда будут взыскать что – нибудь светлое и священное: *«В системе мире нам дан кроткий срок пребывания – жизнь. Дар этот прекрасен и высок»* – Аристотель:

Невинные обряды, благие заблуждения, —

Мне дедовский обычай и дорог, и любим.
Мой каждый нерв пропитан приметам с рожденья.
Дух моего народа во мне неистребим. – Ю. Бернадский.

Чарующий ритм стихов, легкость, простота бернадских «штилей» – и скрытый глубинный подтекст. Мир ясных строф и сложных чувств, и рядом «призраки» философии – страсть и любовь как божественный заменитель вечности, душевная обнаженность и откровенность как константа человеческого бытия:

Каждый выбирает по себе.
Щит и латы. Посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты.
Каждый выбирает по себе.

Высокие чувства, духовный и нравственный поиск истины и свободы. Мифопоэтическая магия слов и смысла. Абсолют Творца – «питаться в полете, а не сидя на земле». В сущности, ответ на вопрос, а что такое наша жизнь: «Наша жизнь – это то, во что ее превращают наши мысли». – М. Аврелий (Философ. Император Рима):

О многом не прошу – избави от соблазна,
Семью и отчий дом спаси и сохрани. – Ю. Бернадский.

Стихи Бернадского – блестящее явление русской поэзии, вызывающие пушкинское «изумление и восторг», они «вымывают» душу, очищают ее от шелухи впечатлений тревожной действительности, учат производить собственный ум, а не заемный, понимать, *«Кто ясно мыслит, тот ясно излагает»*. Так это сливается с высказыванием И. С. Тургенева (в парафразе): «Бернадский может сказать себе, что он... создал речи, которым не суждено умереть» и утверждением И. Бродского: *«Существуем по милости Божьей //вопреки словесам ворожей»*:

Имею честь...
Ни в каком не замарался сраме – Ю. Бернадский.

Искренняя и цельная, глубоко и страстно верующая поэтическая личность говорящая о том, что волнует нас, притягивает и отталкивает на протяжении всей жизни:

Не напоказ родной стране служить,
А так, чтобы вольней дышалось людям.
Нас хоть руби на части, – не разлюбим
Россию, без которой нам не жить. – Ю. Бернадский.

Фауст, создавший своего Мефистофеля – свою мечту и волю, свою судьбу и свою долю, сплав силы духа и энергии, бьющей фонтаном:

Кричу, попасть под санкции рискуя:
Не обречем достоинство, пока
Пока определяем нравственность людскую
По толщину и весу кошелька...
Повадками чужими подменяя
Заветы и традиции отцов. – Ю. Бернадский.

Пример предела совести и свободы человека, сильного и независимого от власти, славы и обстановки, а только и всецело – от внутренней установки: «...*Нам дороже ...// Верность делу и вера в людей...//Нами движет доверия свет...*» – Ю. Бернадский...

Поэзия как род духовного наставничества, путеводителя нашего запутавшегося мышления, имеющего метафизическое значение – путь к *сатори*, исключительной просветленности, истиной сущности нашего мира без примесей сюрреалистичных и галлюциногенных образов, коими сегодня пытаются заполнить Пустоты нашего сознания: «*Поклоняясь доллару, как Мекке, // Чахнет мир, „экспертами“ ведом*». – Ю. Бернадский.

Поэзия как высший миг познания, когда неясное становится очевидным. Так похожее на Океан из «Соляриса» или даже это – разноцветные вспышки из «Космической одиссеи». Так и хочется не обрести спасение от Бога, а «самому достичь вершин горних»:

А надежда – как небо ночное она.
Верь в себя и утихнет тревога.
Тем, кто ищет настойчиво, станет видна,
Как звезда. К новой жизни дорога. – Ю. Бернадский.

Поэзия восхождения. Поэзия перерождения. Очищения от мук сомнений и неверия:

Уже не так и яростно брыкаясь,
Куда идем, думаю с тоской?
От языка родного отрекаясь,
Себя сотрем из памяти...
Идеи нет. Элита измельчала.
В глазах туман, и воля не тверда... – Ю. Бернадский

Это трудная доля и предполагает неистовую волю, потому что:

Судьба обложит матом, как оброком.
Удар держу. Солому не жую.
По – матери ругаясь ненароком
Мать поминаю, но не предаю. – Ю. Бернадский.

Охватывая широкий простор человеческого бытия, в хронометре времени которого, по воле Ю. Бернадского, встречаются образы нынешних событий и их давние прообразы, автору книги хотелось, чтобы твой дух, читатель, просто захватило от открывающегося в стихах поэта вида на смысл и ценность Пути и Судьбы каждого. И помните, помните всегда слова Мефистофеля: «...*оставь свои недомогания, свои упреки!*» И иногда оглядывайтесь. Вдруг там где то та или тот, кто помнит и ждет:

Нас тянет к тем, кто предан и похож,
И не приемлет гнусность.
Нас тянет к тем, кто ценит жизнь
И в ухо шепчет нам «Держись».

Свою патриотичность, гражданский долг, благочестие поэт берет с Державина и Пушкина, эмоциональность, страстную чувствительность – от Лермонтова, нравственное начало проистекает от Анненкова и Волошина. По психологической достоверности он сопоставим

с Тютчевым, Фетом, в любовной лирике – Блоком, описание природы и людей напоминают пейзажи Шишкина и портреты Рембранда:

Пусть в нас добродетели не много,
И от соблазнов каждый нерв гудит...
Но если есть во мне частица Бога,
То, значит, от нее тепло в груди. – Ю. Бернадский

Он – рядом с Пушкиным по благородству и грации выражений, по той же строгости и конкретике очертаний. Он – родня Лермонтову по впечатлительности душевной:

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу: звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне.
Вас, вас! Души его кумиры... – Лермонтов.

Блистательный поэтический удел, вотчина князя слова, дарящего нам чудо и радость понимания мира и России «...великой да сказочной страной» (В. Высоцкий). Безупречная ритмика стихов зажигает «огни усилий» (лат.), победоносно проникает в самые потаенные уголки нашей вдохновительницы, в латинской транскрипции нареченной *apima*, по – древнерусски *доуи*, в русском звучании – *душа*, стихи запоминаются легко и быстро, «*кладутся яко печать*» в сердцах детских и взрослых, «...ибо в черную глину// Превращает людей небосвод голубой» — О. Хайям:

Мир наш, если приглядеться,
Ладно скроен, прочно сшит...
Пусть порой и не до жиру —
Жизнь не зря дает урок. -Ю. Бернадский.
* * *

Каждое стихотворение Бернадского – это законченное выверенное произведение, с понятной структурой, четкой неколебимой идеей Памяти и Уважения, напрочь лишенной обценной – распутной, безнравственной – лексики (сам себе цензор) и мощно противостоящей «манкуртизму» (сам себе идеолог):

Поверь, непроходимых нет препонов...
Мы ищем свод неписанных законов,
Что создают сообщество Людей...
Решайся, будет весело, дружище!
Поверь в себя и сделай первый шаг. – Ю. Бернадский.

Стало у нас в моде хулить Родину, пренебрежительно отзываться о своей истории и мужестве предков.

И россиянам объясняют,
Что всех их надо – «на ремни».
В Европе воздух загрязняют

Своим дыханьем они. – Ю. бернадский

По сути – уродливое и ужасающее своей вакханалией бесстыдства явление генетической мутации, потеря связи со своими историческими, национальными корнями: *«И мерзко – пакостная пошлость // Зубами мир на части рвет»* — Ю. Бернадский.

Как «злак земной», «мыслящий тростник», «беспомощное дитя», применяя тютчевскую лексику:

Предателей воронья стая
И мать готова клюнуть в глаз...
Все, что нам дорого, ломают. – Ю. Бернадский.
С «гоголевской слезинкой» в голосе, вопрошает поэт:
А мы? Прощаем подлецов,
Тех, что свободу понимают,
Как право нам плевать в лицо?...
От иностранщины впадая
То в амнезию, то экстаз. – Ю. Бернадский

Люди «манкурты», утратившие память о своем родстве, уважение к славному прошлому, выведенные Чингизом Айтматовым в увлекательном романе «И дольше века длится день»: *«Повеление хозяина для манкурта было превыше всего. Для себя же, кроме еды и обносков, чтобы только не замерзнуть в степи, он ничего не требовал...»* – Ч. Айтматов:

И вновь Иуды ринулись в вожди...
И рвутся узы близких отношений,
Как после многочисленных измен...
Все победил хватательный рефлекс... – Ю. Бернадский.

На историко – нравственном, философском уровне, для Бернадского эти люди равнозначны людоедам, каннибалам, утоляющим только свое поганое ненасытное чрево и принципиально не познающих:

Память вечная герою,
что в бою огнем прошит...
Был в аду... и там, однако,
Он пощады не просил...
Что постиг и что он понял,
Опален войны костром...
Поднимал страну... И поднял. – Ю. Бернадский.

И понимает поэт, что они не одиноки и не вдовцы, что во множестве они: *«им легионы»* – библ. И что его просьбу – *«То, что живы мы сегодня, //Помяни его добром»* – они не услышат, ибо *«свет они называют тьмой»*. (из Библ.). Размножаются, как плесень, которая до времени не видна, плетет свои сети изначально в глубине шаткой душе молодости:

И скалить зубы «конь в пальто»,
Которому не стыдно
С презреньем о родной стороне
Злословить не стыдно. – Ю. Бернадский.

Свою патологию ненависти, ущербность ума (синоним -«зомби») они проявляют агрессивно, публично, авторитарно – считают Россию по аналогии с едким европейским цинизмом *«вошью в навозе»*, оправдывая глумление над историческим великолепным наследием страны: *«...словом, шизо»* (из Бернадского):

В речах запутанных у существа бесполого
Все – трескотня одна, как будто дрелью в голову,
Слова пустые, как холодное дупло. – Ю. Бернадский

С «манкуртами» поэту не по пути: *«Любовь к отечеству микстурами не лечится»* – восклицает Бернадский.

Он и его герои, и реальные и созданные авторским воображением, ведут с ними борьбу, растирают в крошево и удаляют с лица России, как нездоровый гнилой прыщ:

Зарубками, как деды, по – простому
Путь отмечаю, чтобы не заплутать...
Чтобы любовь к отеческому дому,
Как завещанье, детям передать. – Ю. Бернадский.

И не просто восклицание, а с в убеждением «в тайне русского загадочного духа», в самостоятельности и жизнестойкости России, разворачиваются строки:

Заразу этой вши тифозной
Здоровье нации сметет.
И верю, что не очень поздно,
Выздоровление придет. – Ю. Бернадский.

И борьбу с «нищетой духа» и «смутой в умах», когда *«душит темное начало»* Бернадский видит, опираясь не на ненависть, а взяв в помощники веру и призвав любовь. Он против девиза «на войне, как на войне», *«оправдывая собственные страхи»* (Бернадский):

Что нами Родина любима,
Мы доказали много раз.
Надежда в нас неистребима
И вечен прочности запас.
Пушай предатели в экстазе
Торопятся сдаваться в плен.
А чудо в том, что раз за разом,
Мы поднимаемся с колен. – Ю. Бернадский

Через пелену гнусно – извращенных суждений о исторической немощи России, виден характер подлинного славянофила, неистового защитника России в силу генетических, природных своих начал, «чистокровное порождение России»:

И брешут эксперты с бесстыдством,
Мякиной прельщая умы.
А после глядят с любопытством,
Ка долго продержимся мы. – Ю. Бернадский

Поэт Бернадский вызревал в недрах гордой Отчизны. В нем имеет явление необычный мировоззренческий опыт, собранный смыслом всей отечественной истории: «иррациональный патриотизм» Достоевского, «иррациональная вера» Тютчева, «иррациональная русская теплота» Толстого. У поэта это выражено метафорой «Прозрень»:

Когда казалось, – жизнь остановилась, —
Ни целей, ни дорог:
Хватило сил принять судьбы немилость
И Времени урок...
Соединив разрозненные звенья,
Пойму, что мир не плох...
И сокращение страданий-
Единственный к спасенью курс. – Ю. Бернадский.

В своих стихотворениях Бернадский выступает защитником идеи *Величия и Благородства* России. Знающим, что все испытания, которым подвергает она свою «таинственную судьбу» на протяжении тысячелетней истории, непременно решаются только в пользу его Отчизны:

И не грозит стране сиротство.
В любой проявится беде
Величие и благородство,
Без пафоса, простых людей...
Пусть отдано на поруганье,
Оболгано родное все...
Но к мерзости непривыканье
Нас от забвенья спасет. – Ю. Бернадский

Поэзия живая, зримая как художественная картина, плоскость, покрытая выразительными сюжетами и образами, объединённых единым художественным замыслом. Инсталляция нового поэтического стиля – «*бернадский итиль*»:

Как прожить без Расеи,
Где погост за селом?
Где веси и семьи,
Все – единым узлом. – Ю. Бернадский.

Стихи Ю. Бернадского сквозным продуманным мотивом реконструируют мифическую функцию позднейшей традиции русского фольклора увязывать защиту единой и неделимой сокровищницы человека – веры и души – с внешним оберегом, российской государственностью. Такое явление в современной поэзии редкое, похожее на идиллию, семантически увязываемую с легендой о неожиданном цветении папортника, близкое лингвистически к «живой воде» в русских сказках.

В этом – похожесть поэзии Ю. Бернадского на высокие оды воспевателя мощи государственности М. Г. Державина и «запечатанность», «слитность» с духом А. С. Пушкина, вечевым непримирителем к уродцам терситам, злобой и площадной руганью исступленно, как в баснях Пильпая, хулящих Российскую империю.

У Пушкина: «...и ненавидите вы нас...// За то ли//Что на развалинах пылающей Москвы// Мы не признали наглой воли// Того, под кем дрожали вы?».

И – в строках Ю. Бернадского:

Одна, но чуткая душа
Мня ведет, судьбу верша.
И сердце верное
одна стучится в груди.
Пусть даже рвусь куда – то вдаль,
Одна – о Родине печаль... – Ю. Бернадский.

Сила стихов Бернадского – это сила подлинности, сила достоверности, сила души, которая, как у Радищева, *«страданиями человеческими уязвлена стала»*, с полной верой сердца в бытие Бога и бессмертие души: *«Все великое ходит по земле голубиными шагами...»* (Из Ницше), то есть сердечной верой...

Поэзия бьет у него из всех недр духа, зачастую его собственная воля подчинена «поэтическому бунту», не совладевает с ним и оттого перед нами – вся глубина бернадской аполлоновой радости от самого факта Жизни: *«Я от счастья пою...// Есть оно, или нет...»* – Ю. Бернадский.

Стихи воодушевления, в них пульсирует, сверкает, искрится жизнь, долгая одиссея человека. В словах Л. Толстого это звучит так: *«...у человеческой личности есть как бы своя душевная мелодия, которую каждый из нас носит повсюду с собой»*.

Стихийные формы Вселенной наполняются замечательным балансом между контрастными оттенками небесного и земного, за счет чего создается ощущение равновесия, активным продуманным предложением *«Читай нас...»*, от которого нельзя отказаться тому, кто хочет достигать внутренней гармонии, – о ней, вплоть до рокового выстрела в грудь, мечтал М. Лермонтов:

Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал.
Он был похож на ветер ясный...

Поэзия поведения. Поэзия обстоятельств: *«Между прошлым и будущим связь. // Переплавленный в знание опыт»* (Бернадский). «Документальная» поэзия, поэзия не «лгуны» – в ней много гражданских стихотворений, отражающих всю тяжесть от страшных геополитических потрясений 1993 – 2000 гг., когда *«делал клистер рассудку Голливуд»* и *«Россию тащили вверх... за ребро крюком»* (Бернадский):

...нам несут «дары» данайцы – демократы.
И с совестью своей мы вновь ведем бои.
В пустые черепа стучать – не достучаться.
и честный человек в своей стране – изгой... – Ю. Бернадский

Они сыграли практически ту же роль в головокружительном переломе ума поколения Бернадского, какую сыграли каторга для Достоевского и крушения дела его жизни для Сперанского...

Стихи как обновление души («цивилизации» человека) заключенной в клетки отупляющей действительности, обвитой жестким *«змеем золотым»* и избитой в кровь батогами лицемерия, что *«близ него мне всегда казалось, что я слышу серный запах и в голубых глазах его я вижу синеватое пламя подземного мира»* (фраза немца Вигеля о русском патриоте Чаадаеве); ответ на гламурное масштабирование современных «геростратов и иудов искарियों», – *«бесы, что к казне близки, // Страну кромсают на куски»* (в гневном определении Бернадского).

Тени прошлого, «эстетика дерьма» (по Бернадскому), но вездесущи, всемогущи и все-сильны. Они вокруг нас. Они бесцеремонно врываются в личный духовный мир. Используя власть, криминал, «черный нал», обман, насилие, шантаж, отбирают последнее, что есть у человека – Надежду: *«И трижды Невского изгнал // Бунтующий народ»* (Бернадский). Они крушат жизнь, разрушают память, стыд и совесть. Стремятся к одному: *«... умножить потребление: // Бери от жизни все, и именно сейчас!»* (Бернадский):

Мы к Родине глухи – о чем бы не просила.
Нет духа побороть к вину и блуду страсть...
Врагов как будто нет, а явный вред в избытке.
За чтобы ни взялись – все делаем не так.
Ни чести, ни стыда – реклама и агитки.
И хаос в голове. И на болоте флаг. – Ю. Бернадский.

Стихи – эстетическая и духовная квинтэссенция «погоне за выгодой», безудержному материализму: *«На земле весь род людской // Читит один кумир священный. // Он царит над всей Вселенной. // Тот кумир – телец золотой»* – «Фауст» – слова беса Мефистофиля.

«Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „полынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Библ. Откр.).

Отсюда – и пастернаковская горечь на устах Бернадского:

...И искушает нас богатством вражья сила —
Не праведно нажить, а как бы где украсть...
Живем не для души, а чтобы от пуза есть. – Ю. Бернадский.

Но... взрывается бунинская звенящая струна, побуждающая произнести великое требование: *«Не для пьяной потребности // Образ древней старины»* (Ю. Бернадский). Вся интенсивность и острота ее такова, что Бернадский предстает поэтом напряженным, динамичным, «дерзким»: *«Я не отдам страну // ромашко - васильковую // Ораве алчущих бессовестных жлобов...»*.

Он не отдыхает от Бога, он совершает требу, возжигает бунт вдруг во всех пределах России, требуя «страшное» от *«оравы алчущих бессовестных жлобов... впавших в предательство и срам»* (Бернадский) – дать Волю, Справедливость и Свободу гражданам, вручить им солидную идейную основу, глубокую, личную, как равным, возвеличивающую статус и вес нации и *«...по заслугам воздающую // Подонкам и вора»* (Бернадский)...

Все это сравнимо со знаменитой впоследствии «Запиской о древней и новой России» Карамзина и имеет следствием развитие гражданского мужества М. Горького: *«Основная задача... одна и та же: внушать бедным холопам, что для них – нет счастья на земле, оно готовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю – дело богоугодное»*:

Стыда бы нам занять, а не идей.
Страну, что вечной славой покрыта,
Спасут не зарубежные кредиты,
А вера и терпение людей... – Ю. Бернадский.

Вне сомнений, если зайти за кадр истории... представить встречу Наполеона и Александра I, во время которой со своей обычной проницательностью император Франции тотчас

выделил из толпы придворных Сперанского, удостоил личной аудиенции, подарил ему золотую табакерку с собственным портретом и даже спросил в шутку Александра *«не угодно ли вам, государь, обменять своего секретаря на какое-нибудь германское королевство?»*, то безошибочно можно утверждать – будь там Бернадский, именно он и был бы отмечен...:

Мы – граждане, но словно без гражданства,
Стране, похоже, дела нет до нас:
И наша жизнь – как будто партизанство... – Ю. Бернадский.

Яркий прожектор современной российской поэзии, поэт, моралист далеко не одинокий (как некогда в истории Радищев), авторитет которого является бесспорным даже в глазах переломных литераторов. Главный жрец духовной чистоты, поставивший сердце на предел: *«Мой каждый нерв пропитан приметами с рожденья. // Дух моего народа во мне неистребим»* (Бернадский). Со стихами, воплощающим нравственный завет Тютчева:

Велика, знать, о Русь, твое значение!
Мужайся, стой, крепись и одолей.

Смотритель «старого маяка», исторической славы России. Знающий точно, она одна такая страна – Россия: *«Русский – тот, кто любит Россию и служит ей»* – Петр I.

Как прожить без Расеи,
Где погост за селом?
Где веси и семьи,
Все – единым узлом. – Ю. Бернадский.

Необходимо выделить в стихах Бернадского тот идейный каркас, который отнюдь не личен, а выражает зависимость от характерных комплексов нашей эпохи, интеллектуальных эгоцентристских веяний времени, религиозных и светских тенденций.

Примета этой зависимости – романтическая тема состязания «сильной личности» с законами и обычаями мира, до тошноты замазанными разглагольствования по поводу «идейного тупика», – *«Задурили сознание народу – Прежде, мол, несвободным он жил»* (Бернадский) – понятая через ницшеанский код *«Одиссея»*, то есть – вопреки всему, *«прогнозам вопреки»* (Бернадский) – метафоре, высвечивающей авторский дух индивидуальности:

Россию топором как только ни тесали
Чужие и свои. Да видно – не с руки.
Нас двадцать лет назад со всех счетов списали.
Да вот жива страна, прогнозам вопреки. – Ю. Бернадский..

Поэтическая декламация – многосюжетность, ассоциативность, связь прошлого и настоящего, густая эмоциональная окраска. Поэзия выдает объективный социальный паспорт, отражение переломного состояния, сдвига социальной жизни. Она взрывает «канонизированное сословие», максимально приближенное к власти и казне, основное свойство которого благовидный обман и правдоподобная ложь; они *«разлагающей порчей»* (определение Бернадского) накрывают Отчизну:

Мы к Родине глухи – о чем бы не просила.
Нет духа побороть к вину и блуду страсть.

И искушает нас богатством вражья сила —
Не праведно нажать, а как бы где украсть...
Остался только шаг, чтоб стать на четвереньки.
Живем не для души, а чтоб от пуза есть...
Стремимся к одному — умножить потребление:
Бери от жизни все и именно сейчас. — Ю. Бернадский.

От стихов Бернадского кровь бунтует как от укуса тарантула и пьянит голову, как от лучшего вина из папского подвала «...*А сыплет щедро, и ему еще прибавляется* — Царь Соломон. Притчи:

Терпеть и верить — доля наша,
Радея о родной стороне. — Ю. Бернадский

Поэтический подвиг Бернадского олицетворяется с нравственным детонатором времени, в его стихах — искренняя исповедь души, благодарность родителям, согражданам и Отчизне. Будто Вергилий, по преданию установивший близ Везувия особую статую, сдерживавшую активность вулкана, поэзия Бернадского останавливает мутные потоки анархии с хаосом на пути «*Локомотива по имени «Россия»*»:

Ну что за жизнь без солнца? — Беснадега.
Как нам с тобой без Родины — не жизнь...
И мы бессмертны, видит Бог, покуда
Себя в потомках наших узнаем. — Ю. Бернадский

В стихах Бернадского, равно как и в бессмертном творении Гомера «Илиада», есть все, чего хочешь знать и понять, и нет ничего из нашей жизни, что бы не отразилось в таком глубоком поэтическом совершенстве. Он не стесняется перенимать от жизни то, что ему неизвестно было самому.

Круг интересов и приложения творческих сил обширное, от античной культуры до православной русской, от истории первобытной архаики до оценки оппозиции «полезно — вредно», современного противостояния двух идеологических течений, некогда воцарившихся в умах ледяными сомнениями: «*Россия — Запад*» — Петра I и максимы Карамзина — «*Россия не Запад!*»:

Вопрос о власти — ключевой,
Хоть всякий имеет довод свой...
Кому — почет, кому — позор...
Во вред единству всей страны
Любые способы годны — Ю. Бернадский

Поэзия, не только удовлетворяющая наш ум ясностью своих суждений и выводов, но и проникающая в наше сердце, говорящая ему, она возбуждает страсть, поражает воображение: «*Чародеи заговаривают змей, пауков, скорпионов и др. животных или болезни, а сочинители речей заговаривают и укрощают судей, депутатов и народную массу*»

Платон -Эвтидем.

Темы, поднимаемые в стихах Бернадского, подобны бездне, где гаснет все, где «...мозг — как динамит за миг до взрыва», и подобно свету, где все искрится и меняет цвет, несут свежесть летнего дождя, прохладного и очищающего — вместе компилированные удачно и сла-

жено есть продолжение метаморфоз такого существа, как «Я»: *«И вечность на тебя в упор глядит...// Предела нет возможностям твоим. // Проснись! // Веленью сердца следуй смело»* – Бернадский.

Разум наш, он будто из темницы выходит, когда соприкасается с текстом стихов поэта – и мы в силах понять, что происходит с миром и самим разумом, ведь наш разум есть часть неумолимого движения материи и неуловимого замысла природы, восплаемого Бернадским:

Чтоб крест нести – одна спина.
И честь одна. И жизнь одна.
И слово данное не взять уже назад.
Один по жизни тащим воз... -Ю. Бернадский.

Свои поэтические установления Бернадский берет с «порттика Соломонова», мудреца, передавшего нам, что *«Господа должно искать в простоте сердца»* – (Соломон. Притчи.). «В простоте сердца» – это очень важный момент для Бернадского. Он ищет и находит Бога в простоте своего сердца, и потому его стихи легко и ясно открываются каждому человеку: *«Поскольку Бога есть частица // В Душе...// И не бесцельна жизнь»*

Перед тобой – некая высшая формула поэтического жанра, когда твои чувства двигаются, играют и сверкают, будто наслаждаясь своей живучестью, а если продолжить мифологему «живых ощущений, то надо сказать «...я, как первый житель рая»; когда при чтении стихов тебя охватывает чувство, близкое состоянию Фета: хочется броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой в верой в то, что ты воспаришь по воздуху: *«Неугомонная порода. // Нам было много дано...// Мечта любого вертопраха – // Шагнуть за грань, за край земли»* — Ю. Бернадский.

* * *

Изыскано и изящно, подобно бриллиантовому фейерверку, взлетают к небу поэтические мысли, как яркие искры, они на мгновение осветят небесные сферы, придав им сказочный вид, наполнив мелодичностью стройных голосов, а затем уйдут в вечную землю, будоража сердце и волнуя воображение непостижимостью своих изгибов. Впечатление, равное по силе строкам Тютчева: *«...ветренная Геба, // Кормя Зевесова орла, // Громокипящий кубок с неба, // Смеясь, на землю пролила».*

Дуновение вечного пронесется в стихах Бернадского, поистине неизъяснимое, только на подсознательном, биологическом, улавливаемое. Это как бы Потоки грядущего. Дух русских поэтов покоится, быть может, на их позднем потомке, на нашем современнике, Бернадском:

Зарубками, как деды, по – простому
Путь отмечаю, чтобы не заплутать...
Чтоб любовь к отеческому дому,
Как завещанье, детям передать. – Ю. Бернадский.

При том в стихах чувствуется сосредоточенность, какая-то национальная гордость, какая-то приподнятость мыслей, – в аргументации, цели и стиле духовных сентенций: она – унаследованная, ибо Бернадский принадлежит к великому *«сосново – березому роду»*, у которого темперамент есть природная данность, характер – всегда завоевание и достижение и который предполагает свободу, совесть и родину:

Невинные обряды, благие заблуждения, —
Мне дедовский обычай и дорог, и любим.
Мой каждый нерв пропитан приметами с рожденья.

Дух моего народа во мне неистребим. – Ю. Бернадский.

Глава «Прогнозам вопреки»

Магистральный сюжет своей поэзии Бернадский выразил понятием *«Прогнозам вопреки»*, даря нам – вновь, как в Эдеме, – тайну чуда, которого заслуживает лишь вера – та вера которую мы по своему желанию и по своему разуму лишили на перегоне веков. Веру, создавшую невообразимую землю – Россию и невероятный *«сосново – березовый род»* (определение Бернадского):

Здесь дышалось легко мне и пелось,
Здесь я духом окреп и возрос,
Маршируя из юности в зрелость
По аллеям из лип и берез.
Здесь меня в колыбели качала
Мать моя. И меж сосен берет
В стороне этой где – то начало
Мой сосново – березовый род. – Ю. Бернадский.

Мы, знающие Платона и Эмпедокла что же, благодаря этому знанию, лучше понимаем Мировую судьбу, ее истинный смысл? Ее бессмысленные жертвы, глупости, черствования! Или будущее человека пусто, темно, и человек старится под бременем познания и сомнения, что они иссушили его ум?:

А голос совести затих.
И мыслям о душе нет места.
Все планы – о деньгах одних... – Ю. Бернадский.

Мы вроде понимаем, что на долю человеческого разума выпала необычная судьба: он словно в крепости, его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой – вопросы нашего бытия, телесного и духовного:

В божественность всего, что есть вокруг,
Сомнения мешают нам поверить.
Реален мир, что видим и упруг,
Который можно как – нибудь измерить. – Ю. Бернадский

И в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят все его возможности. В такой разлад разум попадает не по своей вине, ибо – и это весьма древняя, извечная истина практической мудрости – *«всякое деле о двух концах»* – признания дисгармоничности бытия и духа? А может – *«Всё будет, как угодно Богу»?*, ибо... Он приходит и уходит, когда хочет...

Возможно, пыталась ответить на эти вопросы поэтесса Т. Снежина, жизнь которой трагический оборвалась такой молодой:

Нам в жизни так бывает больно,
Израненной душой стремимся к небесам,
Ища спасенья там.
И можно быть судьбой довольным,
Но так и не понять, что есть ты на земле,

Отдавшись в небеса.

Наш взгляд на мир остановился. Застыл. Мы достигли (согласились) считать, что сначала появилась Вселенная, потом Жизнь на одной из ее мельчайших частиц, а потом – разумные существа, сиречь мы с вами. Такое состояние природы мы полагаем вечным, а себя венцом творения или завершением (плодом) этого процесса. Нам кажется, так случилось и так завершилось создание материи, биосферы, нашего физического мира...:

Кто мы? Где мы сейчас? Что пытаемся делать?
Как мы тут оказались? Что будет потом?
И насколько нуждается бренное тело
В архаичном прообразе – Духе святом? – Ю. Бернадский

Но... задаемся вопросом: почему Христос выбрал себе в ученики простых людей – рыбаков, мытарей, дервишей – *«Немудрое мира»*, (апостол Павел), а не взял богачей, философов, не взял фарисеев?... Повисает вопрос в воздухе, равно как и молчание Иисуса на вопрос Пилата о том, что такое истина?:

Небо с каждым из нас говорит... но услышать
Нам, увы, недосуг... до поры... до звонка...
Большей части из нас – не до этих вопросов,
Даже пусть гарантирован «точный» ответ. – Ю. Бернадский.

Зачем вслед за «проводником» Вергилием, предсказавшим появление загадочного младенца, предвестника нового «золотого века», следуем кругами познаний, идем *«сквозь чащу исканий, сомнений»* (из Данте), несем баснословно тяжелую (а кажется нам – нежную!) ношу иллюзий? Отчаянье, блаж, откровенье? В «теньях платоновских», задыхаясь, как в пустыне или тумане, ищем свой единственный образ, свой чистый идеал: *«Сбросить разом бы все наносное // В суматохе бессмысленных дней...»* – Ю. Бернадский.

Фактически не верим в Мечту, поскольку не верим Мечте! Без которой и вне которой наша жизнь превращается в пустое существование, лишённое смысла и цели, опустошенной... и хочется жить, но страшно – утраты, потери оплакиваем кровью... – и так одиноко...:

«И как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам» – Данте.

Разоблачая своеобразный интерес нашего «бескорыстия», приведем язвительное замечание Ларошфука (отчасти переиначенное по смыслу): *«Мы скорее поступимся своим мнением, нежели пожертвуем своим состоянием»*:

Но как не сбиться с курса, отступая,
Когда удача, бестолочь слепая,
К тем благосклонна часто, кто падлей?! – Ю. Бернадский

А может быть в нашем познании много гордыни и самомнения? И мы не чувствуем (или не хотим чувствовать!), как по венам нашим и сквозь нас равнодушное Время «водой из Лета» течет в бесконечность... и снова обратно. И нам не избежать Дороги, ведущей нас по следу: *«Вселенной силы через нас транзитом // из Прошлого в грядущее прошли»* – Ю. Бернадский.

Именно поэтому бунтует Бернадский, как некогда – Ницше, подхлестнувший «клячу» человеческой истории жестким бичом – «кодом Одиссея»: *«Перестань беспокоиться, думай, дыши и твори»* – Бернадский.

Именно поэтому Бернадский создал поэтический перл – «Прогнозам вопреки», – и пусть он не несет силу и славу римского «Рех», богов Юпитера или Минервы, но в общемировоззренческое настроение великого народа входит, – используя вымысел того же Ницше, – национальным и деятельным, сильным, слишком национальным идентификатором – *«Я родился в России...»*.

Ясно ощущаемая патетика поэзии, выражение духовности как глубоко внутреннего состояния делают ее воплощением национального русского мирочувствования: *«Святость общего дела- // Сокровенный наказ»* – Ю. Бернадский.

* * *

С точки зрения человеческих знаний, тривиального, этого не должно было быть: *ни России, ни русского человека*. Но стало достоверным, ни с чем не сообразуясь, в разрез логики исторических процессов. Понять, объяснить данный феномен только миром знаний, притязаниями рациональной идеологии, невозможно. Реальность этих событий предсказать никто не смог, ни один мудрец не мог придумать, в них можно было только верить. И это правда. Потому что этого «не могло быть».

По все симптомам – человеческим, языческим, православным, светским – с точки зрения мирской логики – это невероятное, но обернувшееся для человечества Славой и Победой, превзошедшим человеческие мерки понимания. Как обернулся спасением человечеству Крест Иисуса – орудие самой позорной, самой стыдной казни в Римской империи. Казни на кресте, казни для рабов.

«Я не знаю, но верю» – ключ к ответу, аксиологический корень поэтического выражения *«Прогнозам вопреки»*:

Россию топором как только ни тесали.
Чужие и свои. Да видно – не с руки.
Нас двадцать лет назад со всех счетов списали.
Да вот жива страна, прогнозам вопреки. – Ю. Бернадский.

Выражение, далеко не локальное, не суверенное, не принадлежность только художественного вкуса или эстетического изыска, когда следует ограничиться объяснительной функцией, отказавшись от функции исследования, понимания.

Оно шире и глубже, продукт идейный, с претензией на национальное идеологическое, ибо несет в себе опасный для хулителей Отчизны взрыв, взрыв справедливости: *«Россию тащим вверх, но снова почему – то // Не к звездам на крыле, а за ребро крюком»* – Ю. Бернадский.

Поразительно напоминающее лучистый хвост раннехристианской кометы – К. Тертуллина, выразившего концепцию Троицы и создавшего легендарную максиму, первый мем христианства, взорвавший языческий мир немыслимыми представлениями о Творце, человеке и мире: *«Это несомненно, ибо иное невозможно»* (*Credo quia absurdum est*). Эта фраза станет понятней современному человеку, если ее перевести так: «Я верую, ибо невозможно», «Верую, ибо чудесно». И усилить чары ее воздействия на ум и чувства, если приложить второй мем К. Тертуллиана, ставший аксиомой человеческой души: человек как *«золотой малек золотой рыбы»* («золотая рыба» – это Иисус, авт.).

Оно не только подчеркивает выразительность образа поэта Ю. Бернадского, христианина вникающего (*Christianus sapiens*) но и выражает сущность его творения – отдавать, *«...что хотел сберечь в себе, сделав собою...»*:

Страдая от неутолимой жажды,
Отечество не можем разлюбить...
Величие не в силах позабыть. – Ю. Бернадский.

Глава «Сквозь времена и облака..»

Бернадский – поэт и философ поднимает человека над бездумным проживанием – «*без доблести, без подвигов, без славы*», из ведомого превращает в ведущего, из поденщика на родной пашне – в казначея собственной судьбы, из немоты извлекает живость и беса, и божества. Отторгает его от ошибочных или мнимых ценностей, ориентиров и жизненных отношений, навязываемых тотально извне, в которых человек сначала выставляется на посмешище, а потом его ведут, как невытую овцу, на убой:

Довелось нам блуждать в лихолетье
Среди смуты и неразберихи... -Ю. Бернадский.

«Умный, умный как свет», Бернадский создает для человека концепт жизнестойкости – он в том, чтобы целиком опираться на самого себя, свой эстетический и этический анклав – и лишь в этом у Бернадского проявляется истинная свобода: «...освободиться от лишнего и впустить желаемое».

Делать самого себя, из галерного раба превратиться в Тезея, от повязанного ангела – стать свободным Фаетоном, вдохнуть ярость Пигмалиона в статую Галатеи и оживить ее – тем самым обретающую свою сущность на протяжении всей жизни, выводя ее из «вавилонского пленения» – предпочтения жить,»«как заведено в мире», не подлинно, приносить в жертву флеру благополучия свою онтологическую тоску» по раю:

Так о чем небеса мне толкуют?
Ручеек что за песню поет?...
Глухари на поляне токуют,
Трубный голос журавль подает. – Ю. Бернадский.

У Бернадского, как и у Пушкина и Лермонтова, свобода без душевного покоя и воли мало что стоит, для него человеческое существование – это бытие ума и души, безусловный духовный и нравственный фетиш, трансцендентный феномен, входящий в пантеон русской (российской) словесности «*Сквозь времена и облака...*»

Бернадский не «подсаживает» себя на собственный малогабаритный пьедестал «небесного гения», преображенного из «земных низин», Ответ нашел краткий, но сакральный, философский, содержательный: «Мы наполним красотой Мир, // как лампу в миллион свечей накалом».

Юрий бережет свою судьбу, относится к ней как сильный человек и стойкий философ, принимая земную жизнь как данную необходимость, наполненную заповедным божественным мотивом – «...мыслить и страдать», понимая под «страданием» не мифическое, inferнальное, «*печаль и грусть и утешительный обман*», а живое и видимое – чувства и страсть, как вечный шанс на обновление мысли и души:

Сбросить разом бы все наносное
В суматохе бессмысленных дней. – Ю. Бернадский.

У Бернадского свой орнитологический символ – его душа поистине как птица бьется в груди, балансируя на «кончике счастья». Испепеляюще – дионисический, буквально оргазматический приворот всех ангелов и бесов – служа у Христа и при нем, он не противится покровительству владыке ада Вельзевулу, а демон Люцифер ходит едва ли не в его другах.

И возникает порой алогичное ощущение, что исчезнувший в библейской смуте жемчуг из короны светозарного демона (Люцифера) и есть сам Бернадский, возвращенный явным и видимым из кругов колдовских, осененных печатями загадок и тайн – равный кандидат на трон и плаху, царскую диадему и остров Святой Елены:

Льдом была до вершины покрыта
Наша к Солнцу крутая гора. – Ю. Бернадский

Православный, ценящий истинное: «Церковь знала то, что знал Давид: музыка славит Бога. Стих способен славить Его в той же мере, и даже лучше, чем вся архитектура и убранство Церкви; это её наилучшее украшение».

Ему удастся находить в этой древнейшей теме все новые повороты, коллизии, краски, образы, глубоко лирично и философично, и в фольклорной стилизации, и в романтических балладах....

Сладкоголосый Арлекино, Ходатай к Аполлону за все классы и чины, изумляющий почтителей прелестью лиры своей, ибо в евангельской простоте его поэтических лексем изысканный сплав душевности и нежности, потрясающий читателей самобытностью ума первого разбора, превращающий время и жизнь в локальные феномены, у врат которых он, Бернадский, на постое ключником, как апостол Петр у входа в рай.

Воинствующий монах Добра и Любви, не пускающий в свой душевной затвор, поэтическую келью земных пороков и недомоганий. Бунтующий Прометей, объявивший гордую вражду скверне, ненасытному аспиду ханжейской святости и лицемерия, подтачивающему издревле совесть гражданина, как некогда эти черви разрушили древо Ирода:

А для правды в прессе – пробка и тромбы.
Нас смывает шквал плохих новостей.
И в невидимой войне рвутся бомбы,
И в клочки разносит души людей. – Ю. Бернадский.

Он не застегнут в редингтон священника на все пуговицы и крючки, не живет аскетизмом православного клира, из-под кафтана Бернадского выглядывают бесенята, а потому его поэзия приобрела подлинное обаяние и восхищение» «меж детей ничтожных мира» – (Достоевский).

Заметное место в сочинениях Бернадского занимают поэтические размышления о высоком и вечном. К понятиям этим поэт относится деликатно, осторожно. Тема Добра и Зла, морального и нравственного выбора – «от праведной жизни иль блуда, // Но жизнь – есть великое чудо» — отличается еще и поистине прожигающим эмоциональным накалом.

Читая стихи Бернадского, не перестаешь удивляться богатейшей россыпи его поэтической фантазии, бьющей огненным фонтаном, вобравшей в себя немыслимое, неисполняемое, несовершенное. Поэт смешивает небо и землю, сакральное и мирское, витает в космических эмпириях, а может в то же мгновение уподобить проходящее как «осенний бриз бодрит слегка.» Для передачи любого состояния эмоций и природы у нее всегда палитра своих, не заемных слов и красок – « Нам с тобой земля мала, // И любая даль мала. // Не скучна и нескончаема дорога»

Образы переживаний, настроений у Бернадского импрессионистичны, магнетизируют и находятся иной раз на зыбкой грани, в маревой окрасе яви и волшебства, очень точно, впрочем, выделяя у поэта мистическую способность улавливать и локализовать мельчайшие вибрации души, сюрреалистическую способность тонко видеть и мудро произносить:

Чтоб крест нести – одна спина.

И честь одна. И жизнь одна... Ю. Бернадский.

Глава «золотой Иероглиф» Бернадского

В стихах Бернадского переплелись мотивы античных мифов и ветхозаветные сюжеты, в них звучат легенды Средневековья, пульсируют идеи эпохи Возрождения и мысли античных философов. Бернадский отыскивает в этом историческом безмерном океане те житейские вещи, ту силу светлого мирочувствования, которого люди ищут в вере и любви.

Он создает и делает это триумфально, ярко, захватывая капитально всецелье Добра, пришедшее из древнего, далекого: «...*домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников*». Еще древние подметили, что порою полезно принадлежать другим, дабы другие принадлежали тебе. Некая старуха-провидица, согласно легенде, сказала римскому императору Адриану: «...иногда складывай с себя сан».

Яркая образность и лаконичность изложения, приближение художественного мира подчас к языку и обычаям того времени, придают стилистике Бернадского привкус вечного – живая античность, сочная мифологическая и библейская колоритность смотрят на нас первозданной свежестью. Чувство времени и пространство. Связь эпох и смыслов. Источник вдохновения и добра. Так и хочется пить из этого родника – мудрой поэзии Бернадского:

Солнцем, словно волшебством. заморожен.
Встречу первые лучи на заре.
Будто мостик сквозь века переброшен...
Вс в округе от росы серебро. – Ю. Бернадский.

Есть в арсенале Бернадского стихи – молитвы, искреннее обращение к Богу, они тревожат душу, увлекают неистовой бунтующей силой, пленяющей сознание, обжигающей сердца – ведь поэт выражает в них наше высокое время, такое красивое и одновременно трагическое, время искушений и заблуждений. Выражает наше желание и наше стремление разобраться в первопричине полярности мира, замешанной на библейских, евангельских мотивах:

Бьющая ниагарским водопадом поэтическая удаль Бернадского, приправленная лексической терминологией, экстренно выплескивается протеиновым густым афористическим каскадом: «*От мудреца – по заветному слову...//с каждой снежинки – особый узор...// И гонит нас ветер, как в море волну*».

Вот он, как Фаэтон, хочет, «*Чтобы когда -то дивное сияние // Воскресло впредь*». А то, как Эней «*Преодолевают новую ввысь*».

В его стихах жеманятся и ласкаются фольклорные образы – «*Мухомор... у знахарей и у шаманов // Был в чести и в почете всегда*», в круговой поруке бунтующие санкюлоты – образы «*друзей своих*», выскользнул лик романтической грусти – «*...Молодильных яблок в Тридевятом царстве // Бабушке родимой на берегу чуток*», выглянул густой русский дух – в образе одического, мадригального «*Я родился в России*». Все эти оттенки бытия как будто с флейты Аполлона снимает Бернадский, разбавляя их звуками свирели своей поэтической.

И виден за текстом «Бог есть душа» подстрочный кадр, воплощенный богатым воображением читателя: образ «адской силы», тенью Каина идущий вслед истории человека: мятежность и непримиримость – это мильтоновский Сатана; знающий и мудрый – байроновский Люцифер; прекрасный, соблазнительный и коварный – чем не герой Виньи из поэмы «Элоа»; по мощи отрицания – гетевский Мефистофель.

И возникает ощущение, что Люцифер с дьявольским хохотом разбрасывает искры надежд, которые он берет из мученического костра человека, и как «дикий каннибал», в антропофагической ярости их топчет. Он как иудейский Ирод присовокупляет «отрубание головы Иоанна» к страданиям людским:

Сам себя в измене,
Душ, замученных в геенне,
Слышу голоса. – Ю. Бернадский.

Для убедительности, приведем монолог Мефистофеля, греховодника и безбожника, святопорицателя, дерзновенного непослушника, нечестивца и злонамеренника, ненавидевшего и проклинавшего весь человеческий род: «Ох горемыка я и служба моя горькая, просто иногда хочется вернуться в свою адскую мастерскую и навсегда забыть вас, людей. Вечно вы недовольны, вечно вам чего – то не хватает! И почему не жить просто, без суеты, без выдумок в виде смысла, ценностей, добра и красоты. Сами себе строите препятствия, а потом призываете нас, чертей, вам помочь. А перед этим, конечно, промоете нам все до одной косточки».

Отсюда, на взгляд владыки ада, сообщество людей представляет собой ярмарку человеческого тщеславия, торжество самомнения и человеческих амбиций, где простым и подлинным мыслям и делам нет места; эгоисты, которых снедает ненасытная жажда наслаждений и почестей.

Вот как свидетельствует история: «Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния...» а Бакунин – «Монах воинствующей церкви революции, он бродил по свету, проповедуя отрицание христианства, приближение страшного суда над этим феодальным и буржуазным миром...», – писал Герцен.

Поэтическое самовыражение как самый дорогой витаминный мотив Бернадского, «золотой Иероглиф» на пергаменте душевного полотна:

Помнишь, как водили мы хороводы
На лугу в густой траве у реки...
И катились времена, словно воды... -Ю. Бернадский.

Поэт выжигает стихи, уподобляясь богу Гефесту, выковавшему на огне под кузнечными мехами невидимую цепь, в которую, как в ловушку, попала Афродита. Яркие, чеканные образы, отлитые в строках, приобретают поистине колоритный брендовый аромат, невидимым потоком устремляющийся в людские сердца и, чаруя их смелостью и дерзостью Девкалеона, мифического героя, спасающего людей, – «*Кто веры не утратил*» – после Потопа (по греческой легенде, в 1530 г. до н.э., через девять дней после Потопа Девкалеон причалил ковчег к горе Парнас и спас всех жителей Фтии в Фессалии).

Слова Бернадского, с оттенком дерзости, встряхивают нас интенсивностью художественных и интеллектуальных впечатлений и побуждают к чтению и мысли, чтобы «*сердцу высказать себя*»:

Стой. Замри и почувствуй Мгновенье.
Проворонил?... А Время не ждет. – Ю. Бернадский.

Стихотворения Бернадского – яркое отражение пережитого поэтом: в минувшем, годах пронесшихся, в настоящем отрадном. Этот ясный памятник прелестных состояний Бернадского по-детски мил и любезен, отмечен знаками судьбы. Его дух здесь цветет молодостью, задором, пахнет счастьем, органически связан с внешним миром, создает, как у Лермонтова, «*в уме своем... мир иной и образов иных существованье*»:

И как будто колесо покатилося, —
Давних образов прошла череда.

Память словно ото сна пробудилась.
А казалось, что уже – не следа. – Ю. Бернадский

Кажется, что Бернадскому мир наш земной тесен, порывы его и горячие чувства рвут ноши обманов, симуляций и безразличия, перед нами Аталнт, держащий на своих плечах свод преждевременного нравственного разрушения... когда жизненная цель всего лишь».. *наестся до пуза...*»

В этих стихах, конечно, много героического настроения, но в их основе лежат безусловно искренние огорчения поэта, что хрестоматийный лик Христа покрылся уродливыми трещинами, как свидетельство несомненного духовного разлада в нашей действительности, вызревания измельченных мыслей и измученных душ, отказавшихся от своих вдохновений, живущих без веры, с презрением и равнодушием и называющих себя лермонтовскими «жертвами жребия земного» – *«ты дал мне жизнь, но счастья не дал!..»* М. Ю. Лермонтов.

Стихи Бернадского – это трепетная и тонкая эллиническая мысль, ее современная вариация, когда Эол приютил во время странствий Одиссея, а при расставании подарил ему приятный ветер зефир и также мех из кожи девятигодовалого быка, в котором были зашиты остальные ветры благодати.

В Древней Греции делали «Эоловые арфы» в честь Бога ветра Эола – музыкальные инструменты, издающие различные звуки благодаря энергии ветра.

А древнегреческая богиня лунного света, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства Геката передала Бернадскому в дар свой «божественный факел», которому поэт уподобил *«рождение восхода»* во всей палитре «космической», обескураживающей сознание метафористичности: *«Встану Солнцу поклониться, родному...//Как и во поле любой колосок»*.

Как будто пролилась многоголосица безумного *«дьявольского восторга»*, так изумительно однажды воспетого испанцем Гарсия Лорка.

Красоту, *«как лампу в миллион свечей накалом»* Бернадский принял от Тютчева, а чудо любви *«А мы – рука в руке»* приходит от фетовского *«В моей руке – какое чудо! – Твоя рука, // И на траве два изумруда – Два светляка»*.

Поэтическое слово Бернадского, словно кантовское априористическое, самоочевидное, есть безбрежная грозная стихия, оберегающая границы человеческой души от Зла – *«И только светлые мечты // Наполнят душу нам!»*. Русская стихия мощно плещется в слове Бернадского. Для него лик России – в Своеобразной самости, в ее Непохожести ни на кого:

Здесь сходятся земли и неба край.
Такое чудо разве что приснится... – Ю. Бернадский.

Никто не знает своей судьбы. Но главное – надо знать и помнить, что мы – православные, что Россия – великая страна, коль Бог ей посылает таких поэтов, обладающих сильным, ритмически выдержанным, победительным русским словом, и при том – проникновенным, трогательным и задушевым:

Без всяких контекстов и двойственностей, со всей прямоотой указов римских императоров, можно утверждать: Бернадский – сильный гармоничный поэт России. В ее стихах нет ничего случайного. Своим творчеством она выражает наше высокое время – время поисков нравственных маячков:

А мир – это лишь отраженье души.
Все, что отдаешь, обратно
Вернется к тебе многократно... – Ю. Бернадский.

Он, образно, воплощение изящества формы и смысла русской поэзии. Стихи плотные, сжатые, и одновременно в них – все и обо всем, их сила проникновения в сердца людей неотразима и победоносна, стихи «физически» ощутимы: «Шагаем, *отбросив сомненья*».

Стихи подкупают – содержательностью, искренностью и верой, просветительской смысловой образностью. В них воочию, наглядно видишь буквально эпические, развернутые широко картины русской действительности...

Как чистые переливы лесного ручейка, как поток свежего прохладного воздуха в раскаленной пустыне, как молитва о том, что солнце вечно и непрерывно – встреча со словом Бернадского. Его слово подливает «масло в лампадку жизни»:

Пусть даже и жизнь быстротечна.
Лишь только движенье вечно. – Бернадский.

Каждая фраза – радиоактивно значимая, биомасса афористичности. Блистательный образец Певца жизни, любви и светлой эмоциональности, подтверждающей канон бессмертия

Бернадский – поэт с уникальным и неповторимым ощущением Мироздания. Во всех его сочинениях – это расщепленное мгновение, как под лупой, свет юпитеров, детонированных магнием или острой молнией. Это – приступ нервного фермента от величественности природы, благодати перед ее силой, бьющей огненной лавиной из далеких необозримых недр. Это расцвет, природа в зелени и цветах. Это правило Ю. Цезаря: «Великие начинания даже не надо обдумывать, их надо чувствовать».

Он передает читателям прелестную способность деликатно и тонко понимать человека и природу, в их пифагорской ясности и простоте: « Не гоняйтесь за счастьем: оно всегда находится в тебе»:

Он – против суесловия и славословия, которых французский философ Сартр обозначил – «Другие – это ад». Против пороков, одеваемых на скользких золотых паркетах нашего века в приличие и благоверность. Против того, чтобы наша жизнь была похожа на хижину, построенную на обломках того позолоченного дворца, которого мы называем «Идеал»...

Неограниченное субъективное дерзание, основной замес в натуре Лермонтова, роднит Бернадского с великим поэтом России. Но если могучий дух классика растерял свои упования, томясь в «пустынной жажде дела», и «казнит» свое постылое бессмертие, то поэтический штиль Бернадского насыщен гуманистическим содержанием, позитивным настроем:

И с рожденья во мне кровь отцова
Так по кругу и бежит, горяча – Ю. Бернадский.

Сама органическая общность мира и стиха у Бернадского связаны в единое целое, что создает эффект древнего фантома: «Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его Величия»

Глава Лирическая дерзость

Лирическая дерзость» – очень точное определение основной доминанты киевской поэзии. И никак иначе, именно так: через все творчество Бернадского проходит одна «паганинская нота», звонкая не стихающая струна – напряженная, динамичная, «дерзкая». Это – рядом с А. Блоком: «Любить есть действие – не состояние».

Густота стиха у поэта достигается вязким, сильным напором чувств, который открывает шлюзы языка, нарастающие и затихающие звуковые сцепления и сопоставления. Сформулируем так: из определенного ритма слов Бернадского проглядывает определенная область музыки (и пример тому, более ста песен на стихи..):

Как по желобу лечу,
Сквозь года, – ледовому...
В сотый раз с утра хочу
Все начать по – новому. – Ю. Бернадский.

Целостная концепция бытия, ставшая основой мировосприятия Бернадского, привела к формированию единой лирической системы (развертывание мысли и наличие сюжетной ситуации, смысловые потенции широкого контекста, соединение полярных субстанций типа: снег—огонь), все элементы которой находятся между собой в хронотопе структурно—семантических отношений, вбирающих семантику вещей и сознания, преходящего и сущего, вещного и вечного

Блок утверждал: *«Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из—за них существует стихотворение».*

Эти «слова – острия», отшлифованные пронизательным, по-сивилльски, внутренним оком Бернадского, рассыпаны бриллиантами смысловых коннотаций (*дополнений* -авт.) внутри каждого текста, как носители устойчивых семантических и стилистических функций, создавая тем самым превосходное ощущение поэтического лада стихов – буквы, духа и чувств:

Красота – это древнее с небом и солнцем родство...
И знакомого голоса милой моей волшебство. – Ю. Бернадский.

Эта единая структура обусловлена эмоционально—субъективным авторским замыслом и отражает целостную концепцию миропонимания, идею пути, духовного развития, сложившуюся в творчестве Бернадского. Этот автогенез динамичен, он диалектичен, движется во времени, в своем движении образуя, по—моему мнению, судьбу поэта, напоминающую звездный интерьер...

Эту авторскую, бернадскую доктрину можно отослать к бальмонтовским образам: «Я – для всех и ничей», и В. Иванова:

«Бурно ринулась Менада,
Словно лань,
Словно лань...».

Жизнь – единственная книга, все страницы которой полны содержания и смысла, постоянное метание между грехом и святостью, и *«Сокращение страданий – // Единственный к спасенью путь»* (Бернадский).

И потому все окружающее воспринимается поэтом как антитеза, живое и в этом качестве им репрезентируются позитивные, «божественные» человеческие образы:

Блуждаю ли во сне дорожкой Млечной,
Кружась впотьмах космической пурги...
Но вспомню вдруг, как делал я беспечно
В далеком детстве первые шаги. – Ю. Бернадский.

По К. Бальмонту, в его «Скрижалях» образ – две воли, управляющих миром: божественная и дьявольская. Дух лирического героя «сатану поет и славит», но, «изведав низость», «насытившись позором», вновь обращается к Богу:

«Снова верит в чью—то близость,
Ищет света тусклым взором».

Всплывают рядом образы Ф. Сологуба, в которых жизнь превращается в ведьмовской шабаш, которые «...визжат, кружась гурьбой. Над шумною рекой качает черт качели мохнатою рукой»; образ брюсовского «Жреца» – символа высшей силы, управляющей миром, чуждой людским горестям, не «внемлющей мольбам» и надменно царящей над «бедственной вселенной» («далекый Сириус, холодный и немой»), становясь причиной катастроф в судьбах людей и государств. Эти наглядные представления Бернадский ассоциирует с «сукинами детьми... ратью прожигателей, мотов и жуликов», которым «на пользу война»:

Рать прожигателей и мотов
Страну кромсают, как ножом...

Но, уверен Бернадский:

Заразу этой вши тифозной
Здоровье нации сметет.
И верю, что не очень поздно
Выздоровление придет.

Происходит слияние внешнего и внутреннего планов бытия. Поэтические образы Бернадского семантически двуплановые, двунаправленные. Они характеризуют, с одной стороны, объект, внешний мир, с другой – воспринимающее его лирическое сознание. Когда Бернадский пишет: «Сжигаем сноп солому и зиму прогоняем...» читатель с очевидной ясностью переживает эту конкретную пластическую картину.

Четкость вообразительного ока достигается вкраплением в структуру образа субъективной модальности поэта, которые одухотворяют образ, делают его аксиологически значимым: «Сквозь времени и облака // Уйдем вдвоем... за горизонт» и т. д.

Учился Бернадский у Мандельштама передавать свои эмоции через вещные и природные образы – «живую плоть» мира, калейдоскоп картин, сменяющих друг друга. В лирике бернадского вещные детали, так называемые «сенсорные» образы помогают реконструировать картину переживания, «материализовать» эмоцию:

Даже если в безвременье вдруг пропадем,
Пребывая в одиночестве.
В Тридевятое царство дорогу найдем,

Кривду с нечистью вычистим... – Ю. Бернадский.

В статье «О природе слова» Мандельштам, стремясь найти тот стержень, на котором держится русская литература, приходит к выводу, что именно русский язык, вобравший в себя «самобытную тайну эллинистического мировоззрения», стал основой русской культуры.

Поэт пишет: «Эллинизм – это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечение окружающего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом...»

И вот у Бернадского – уже намёк на пьесу Еврипида «Вакханки», где обезумевшие женщины разорвали македонского царя Архелая: «...*Рвал заговор страну на части, // Перераста в пожар грозя...*». Или – поэтическая инверсия греческого мифа о любви Психеи: «*Черты земье бретают // Воздушный образ твой*».

Подобно французским «проклятым поэтам» Бодлеру и Малларме, Бернадский поражает нас непредвиденными, порой загадочными сочетаниями образов и понятий, создавая импрессионистический «эффект разоблачения»:

Жизнь – азартная игра.
Глупостью приправлена.
А на кону – моя с утра
Голова поставлена. – Ю. Бернадский

Таким образом, на философско—эстетическом острие поэзию Бернадского объединяют мотивы радости и любви, жизни и смерти, здесь возникает первопричина осмысления поэтом своей самобытности, сопоставления своего творческого метода как с традиционной классической архаикой, как с романтической традицией, так и с социальной лирикой:

В дому тепло, а на душе морозно.
Как медный грош, сожму печаль в горсти...
Прости меня, родимая, что поздно
Шепчу: «Спасибо, мама. И -прости» – Ю. Бернадский

Стихотворения структурированы и в свободной композиции, и по принципу антитезы, отражающей Бернадского идею двойственности, и по полифоническому принципу: разные тексты выступают в ней как компоненты единого смыслового полилога, отражающего мозаичную картину мира:

Обратно в реку отпускаю рыбу,
Как будто самому себе грехи. – Ю. Бернадский.

Главная тема поэтического творчества Ю. Бернадского – поклонение красоте. Она славит ее, молит о ней и восторгается ею, несет сознательное даровитое чувство красоты, способность «по узенькой пятке» дорисовать весь образ:

Будто бабочек крылья – на личике детском ресницы,
и в распахнутых настеж наивных глазах -красота. – Ю. Бернадский.

Глава Поэзия судьбы и пути человека

Кредо Бернадского, его аксиологический поэтический стержень: «Поэту дорога только природа и человек». Это – его гармония, его жизненный и поэтический максимализм. Именно в этой сфере он создает ценности, которые, на мой взгляд, будут пламенеть вечно, как божественная благодать» И которые будут неисчерпаемы, словно данаидовы круги, ибо *«когда солнце и луна померкнут, и звезды потеряют блеск свой»* (предостережение пророка Илия)

Как эллинский мудрец, он весь погружена вовнутрь, в глубину, в самую себя. Туда, где ценности скрытые, глубокие и тем самым истинные – нет иллюзий, то есть чувств, ослепленность которыми, и порождает марево действительности, обман: *«Ласкает утренний прилив // Наш замок на песке»*.

Поэте не признает полуправду или приятную имитацию правды, этот усыпляющий наркотик, этот успокаивающий туман действительности, «опиум Новалиса».

«Боже, и это она про нас?» – спросит кто-то. «Да», – кивнет устало Боже.

Поэт Бернадский – это Ахилл и Ясон, Адам и Иов, Соломон и Христос, Данте и Леонардо. Но все цельно и органично подчинено одной тайне – Судьбе и Пути Человека. Его бесконечным исканиям, взлетам и падениям, за которыми угадывается одно великое стремление. Подчинено – вечной трагедии Человека, трагедии человеческой души, распятой между небом и землей. Блужданиям во тьме в поисках света. Мелеагр, чья жизнь зависит от горящего полена.

Это гимн величию Человека и это все – Юрий Бернадский.

У Бернадского все получается, хоть тему и образность она берёт порой весьма непростую. Здесь и общая человеческая история, и вторым слоем – воспоминания автора, и вопросы веры, покаяния и молитвы за человека. И превращение жизни в «даму» своего сердца. И архаичные желания – держаться за все хорошее:

И с каждым годом все родней
Мне звонкий голос твой. -Ю. Бернадский.

Его произведения не лишены поэтической барельефности и готической монументальности. Автору не только важно в череде стихотворных сочинений создать целое, структурно и содержательно синкретичное, слитное, но и, последовательно, поступательно поднимаясь по ступенькам литературной лестницы, выстроив свою картину сущего, доказать, аргументировать, что она имеет право на существование.

Внутри поэтических рассуждений Бернадский создаёт систему смысловых оппозиций, выстраивает семантические ряды, развивая их и смыслово, и интонационно. Из—за этого в лексических оборотах одновременно живут гармонично, по законам поэтического времени, несколько философских и христианских мыслительных пластов, плавно и логически дополняющих и обогащающих друг друга:

Жар – птица – как память о чуде,
Уронит ли плат расписной...
И словно пророчество будет
Перо красоты неземной...

И станут бессмертными люди...
И ты будешь рядом со мной... – Ю. Бернадский

Для Бернадского сила человека в прощении, в полете духа, а не в том, чтобы найти вину и неправоту или создать свод возмездия Немезиды, под которым нередко агонизирует душа, словно Зевс, придавленный стоглавым Пифоном. Он знает, что важнее веры нет ничего. И ее убедительность впечатляет, он словно кованой палицей Геракла вбивает в душу корпус надежных, устойчивых моральных перлов – выступая своего рода пантократором солнечных мироощущений:

И с надрывом блюет перепуганный мир
От сценариев прошлого...

Косяками и толпами рвутся в эфир
Предсказатели прошлого. – Ю. Бернадский.

Его стихи гибкие, эластичные, в меру нарративны, но при этом насыщены образностью, создающей пульсирующую чувствительность, как полет цветной бабочки по весне. А главное, что в строках живёт «Божественное предназначение», и осеняет их подлинной, не заёмной силой. И всё это, повторяюсь, в рамках чудодейственной эстетики русского классицизма, ставшего авангардом поэтического таланта Юрия Бернадского. И пусть Бернадский – поэт проявляется во множестве личин, но ходит он только в одном облике – в категорически ригористской позиции Достоевского, утверждавшего, что ничего не стоят наши познания, если они причина одной слезинки ребенка:

И не грозит стране сиротство.
И в любой проявится беде
Величие и благородство,
Без пафоса, простых людей. – Ю. Бернадский.

Графически и зрительно четкий образ этот хорошо подчеркивает сакральную ценность поэтического дара Бернадского, аллегорически выведенный издавна: *«Великий изошренный поработитель человечества – Ум – играет свой шедевр на судьбах слепого стада...»*

Образ цветистый, живописный, четкий. И, вроде, краткий сюжет, всего – лишь «капля масла с лампадки Психеи», но какой матерый кусок нашего существования отколот – содрогание по телу проходит, словно апокалипсические молнии пронзили, будто *«небо по жилам протекло»*.

Жесткая конструкция мыслительных процессов, ее предельная консервативная форма, выстроенная на иерархизации, подчинении принципам и правилам, для Бернадского универсальный социум, где можно быть одновременно глубоко лиричным и философичным, и пребывать в неге фольклорной стилизации, и в романтических мечтаниях: «И обернется ночь с утра // Волнующим уроком». Почти два столетия назад об этом написал русский классик И. Тургенев: «Когда на земле переведутся Дон-Жуаны, закройте книгу истории, ее будет неинтересно читать»:

Пустопорожних ожиданий
И разочарований груз
Снимем с плеч без оправданий...

И сокращение страданий —
Единственный к спасенью курс. – Ю. Бернадский.

Своей поэтической строчкой Бернадский легко передает аромат любой эпохи, любой вещи. Как бы подтверждая, что его таланту под силу всякая стихия – одушевленная и застывшая, живая и камнем—валуном придавленная —« *Устал я... Привал. Передышка...// И в сердце не пламя – ледышка*».

Здесь ему помогает обостренный художественный вкус, чутье новизны, способность в хорошо знакомом видеть необычайное и неиссякаемый кладезь феерического воображения, исполинской фантазии. В сообществе таких верных слуг, он смело выгоняет сор из неприхотливой жизненной избы, превращает его в жемчуг с блистательным перламутром. Здесь ему подвластен тот особый талант, и состояние души, и нечасто встречающаяся способность взрослого человека быть ребенком со скатившейся с глаз «милой слезинкой»:

Мерцал костер, последний до снегов.
И путники уставшие не спали.
В тумане словно лики проплывали
Языческих богов. – Ю. Бернадский.

Глава Капелька подлунного мира

В поэзии Бернадский – «божественная» капелька подлунного мира, великолепное творение Божьего мира, конспект мудрости и сердца и, как ребенок, искренний и чистый, а потому природная самость проливается в нем «вальтасаровским пиром», «лукулловой роскошью», потрясающим великолепием, роскошью и обворожительностью поэтического литого слога, в котором комфортно чувствуют себя и ноктюрн страданий, и сюита покаяния, и окисленный банальностью ум, и полет орлиной души; в котором крышей дома выступает свод небесный и в его хрустальный сосуд Бернадский наливает напиток прозрений, искушений и воспоминаний своего века, больного неверием и страстного не покоя:

Мой каждый грош трудом и потом,
Стараньем воли и ума,
А не обманом заработан.
И не достался задарма. – Ю. Бернадский

Слово для Ю. Бернадского, как «мощный фактор поражения» «обладать должно ударной силой». Жажда самовыражения, движения, самовозгорания. В нем – сила страсти пушкинского Алека, изгнанного из цыганского табора, и свод мольбы и душевных поисков лермонтовского Демона, и печаль Овидия, некогда изгнанного из Древнего Рима в заброшенные степи на черноморский берег.

Накал страстей, полных душевного огня – этого пьянящего шипящего словесного изобилия, – поневоле сам читатель начинает думать образами и выражаться стихами:

Удаче рад и неуспеху...
Пусть и дорогой не прямой,
Пришло, как откровенье сверху:
Смысл жизни – только в ней самой. – Ю. Бернадский.

Бернадского невозможно повторить, «как невозможно поймать шапкой ветер или откусить зубами кусочек от весны». (Д. Померанцев) Его нужно принимать целиком. Или же не принимать вовсе – «*Со мною рядом у костра ложится // Ночь, властвуя пока*»

Контрастный, ироничный, протестный. Сильная, победительная поэтическая речь, как безудержный галопирующий клинч, на всём скаку врезающийся в постную унылую явь, ярмарку человеческого тщеславия, сбивающий её с ног и топчущий копытами своего «смысла» жизни, проникновенного и понятного – «*За пазухой не прячу камень...*»

Вновь взвинтивший накал страстей до страшного нерва и поставивший ребром проклятые вопросы принца датского: быть или не быть, любить или убить, простить и отпустить или же покорно умереть—уснуть: «Впадая в унынье... нет, не грешу, // А лишь наполняюсь печалью»

Цокающее стаккато каблуков – слов порождает нервную дрожь, такую тонкую и грустную, местами – до горечи. Весёлый – напоказ – стоицизм и сдержанная мужественная грусть и деликатная рассудительность, признающая константу бытия – «голые амбиции лучше пышных одежд уныния и богатой глупости» :

...Как будто леший лез к костру
Или пришел за мной. – Ю. Бернадский

Возвышенный романтизм и бездна падений – все вместе и рядом, способы поэтического оформления пороков и добродетелей современности под личным, бернадским, биноккулярным прищелчком, обнимающие целые области жизни во всех ее поразительных и предельных контрастах. И, утверждающей, в отличие от Фрейда и иудейских заклинателей, что задача сделать человека счастливым все-таки входила в план сотворения мира:

Будет звездная ночь – к урожаю,
Ясный солнца восход – на жару.
Как из небытия воскрешаю:
Если гром поутру – не к добру. – Ю. Бернадский

В таком блистательном поэтическом пафосе Бернадского нет места черно – магическим неврастеническим ритуалам, сластолюбию умалишенного, индюшиного хвастовства и отсутствия напрочь некий конспирологический комплот. Его душа представляет собой поле битвы, где непреодолимая тяга к языческой обнаженности, нескромной наготы вещей купируется евангельским целомудрием:

Думалось мне, словно о простом:
Прирастает дерево не корнем,
А зеленым молодым листом. – Ю. Бернадский.

На таком распятом ристалище протуберанец его мистической, колдовской воли превращает жизнь в радугу с разноцветными камнями и каждый обращенный им адепт видит в ней свой камень – индивидуальный проект под названием Я».

В том проекте клокочет буйный призыв поэта к «слабым детям рода человеческого» сбросить с себя ярмо корысти, обузу тщеславия, вырваться из аркана зла и обид: «*Ведь все равно в тот мир предстанешь неимущим*» (О. Хайям); с толком истратить наличность – нашу жизнь, ... «*ибо в черную глину превращает людей небесный свод*» (он же).

По версии поэта, наша жизнь должна быть слаще славы и прекрасней молитвы ханжей: «*Счастье редко снисходит до того, чтобы стать ступенькой жизни*»: и не в постах и молитвах, бабских заговорах и приворотных заклинаниях искать спасенья спасенья, а в любви, возбуждая очень основательную зависть: «*Словно птица небесного рая – любовь*» (О. Хайям); и пусть другие строят себе хрупкие жилища из глины, а мы должны жить в замке, и наша задача – добыть для него камни, ведь столько стоишь, сколько сделал. А потому нам надо действовать без промедления и это избавит нас непременно от страха и лени :

И снова тетива дрожит в руках.
И вдаль мечты уносятся как стрелы,
Куда – то в тридевятые пределы,
Как ветер в облаках. Ю. Бернадский.

Немалое место в творчестве Бернадского занимают поэтические размышления о явлениях высоких и вечных – Боге, вере, душе, противостоянии Добра и Зла, сущности и смысле бытия, добродетели и греховности, о существовании за гранью брэнного мира... Многие из таких стихотворений несут на себе печать его самобытности и дарования:

И пробил час. И отошел засов.
И души мы как двери открывали.
Четыре дня – неполных сто часов.

Но сто веков как будто миновало. – Ю. Бернадский.

Это происходит потому, что он вынашивает и растит их в себе, как моллюск жемчуг: «своих границ не ведает мысль поэта», пронзительные своей парадоксальностью выражения, обволакивающие его стихи в воздушный искромётный мираж – *и я, читатель, вылетаю, как ошпаренный, из демонической кипящей лавы гротесков и контуров левиафанского сюрреалистического измерения*, – словно побывал в колоссальной воронке Дантова ада из картины Боттичелли или примерил рубище, сшитое из смертных грехов:

Копье в руке и яд на острие, —
Бой с тенью нас все больше увлекает,
Все глубже искажая бытие. – Ю. Бернадский.

Стихи – как невероятная энергетическая волна. Она накрывает тебя мифологемой о спасении Персеем красавицы Андромеды от чудовища. Силой дерзости, рожденной на пределе человеческих возможностей. Силой взрывной, побеждающей смертную Медузу Горгону. Стихи словно сошли издалека – картины «Рождение Афродиты» – в наш век, чтобы подарить ему удивление, нежность и ласку, гордо восстать в тумане, предчувствуя идеалы...

Поэт всецело держатель гармонии формы и содержания. Благодаря чему и достигает выразительного художественного эффекта «очарования пластикой душевных переживаний» – ...растворение многовековых иллюзий в пламени вечности: «//Тишина Всепоглощающего Одиночества// ...закат, который растекается по небесам алыми тонами» (авторское...).

Бернадский, в образном прочтении, – «лепит в себе Бога и дьявола// ...потаенно плачет о венке лавровом» И, главное для его душевной устойчивости и эстетической самодостаточности – «я хотел бы, чтоб осозналось и ушло все ложное».

Таким способом поэтической рифмовки, глагольным моноримом, поэт усиливает и подчеркивает проходящую духовную нить, связывающую все стихи – «а я хочу... тихо сесть у вечерней реки рядом с костром и не дергаться в своей амбициозной иллюзии» (авторское...).

Родина милая, отечество, рождение и смерть, высокое и вечное, любовь и непреходящие человеческие ценности, свет – как друг человека и богов, звездный интерьер ночной атмосферы, полное бытие природы... – для поэзии Бернадского вопросы стержневые, архаичные и традиционные, как свойственные русской лирике в целом. В их окружении поэт чувствует себя комфортно и уверенно, пропитывая этот громадный пласт русской словесности великолепным вальсированием редкой индивидуальности мыслей, слов, мифологем:

И тишина звенит, как колокольцы
Хрустальные вдали. – Ю. Бернадский

Да! Ю. Бернадский, словно Ганимед, выливает на головы современников полный ковш этот магического напитка, «амбрози» – под названием «русская словесность» – с его мифологической функцией давать вечную молодость и бессмертие, тем самым превращая русский язык в исповедь народа.

Он пишет изысканно, как Бальмонт и автор «шабли во льду...» М. Кузмин, с глубиной мысли, как Достоевский, накалом страстей и идеалов «оссианских», как у Лермонтова; драматизм жизни берет от Толстого, покаяние – от Ахматовой, у него – простота строф от Цветаевой, сложность чувств – от Блока.

И, конечно, звенящие небесным хрусталем лирические строки Бернадский впитал от Пушкина.

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я... «Е. Онегин»

Все, что выходит из-под пера Бернадского, становится сияющим зерном, перлом. Он – сын гармонии. Он никогда не находится на поводке у Провидения: ни у умалишенных сановников и помешанных на интригах бомонда, мейнстрима, ни у хвастливых собратьев по промыслу, ни у льстивых медиа—князей.

Бернадского создал сам Бернадский. Та его часть, которая получила право называться божественной Индивидуальностью:

Прощаюсь с солнцем где-то у околицы.
Вот – вот оно уйдет за край земли...
И также в вышине плывут, безмолвны,
Седые облака. – Ю. Бернадский.

Глава «Для доблести есть миг и для отваги»

Средневековый таинственный алхимик, преобразующий с помощью философского камня благородные металлы в золото – именно так, соединяя казалось бы обычные слова, поэт Бернадский получает нечто необычно прекрасное. По существу он превращает материю обыденности в золото высшей пробы под названием Красота. Высветляет все, к чему прикасается его перо, и блаженство этого прикосновения люди хранят с благодарностью и передают друг другу:

И в ратном и монашьем житие
Для доблести есть миг и для отваги,
Когда сверкает честь на острие
Пера поэта и гвардейской шпаги. – Ю. Бернадский.

Словно прекрасный и юный бог сна Гипнос, он неслышно летит над землей на своих крыльях с поэтическим жезлом – головкой мака – в руках и льет из рога чарующий лирический напиток. Нежно касается Гипнос, воплощенный в Ю. Бернадском, своим чудесным словесным жезлом души человека, и она наполняется негой сладостью, расцветает как молодой тюльпан, ярко и красочно.

В нем вызрела «великая душа», он ее постоянно растит и пестует, ибо в жизни только великодушные души «упавших простит».

Это все взятое и есть поэт Ю. Бернадский, гипербореец, нашедший волшебный рог Оберона – свое внутреннее солнце, внутренний свет, сотворивший Свой Отличительный Масштабный Проект под названием «Я»:

На Калиновом мосту
Я – в дозоре на посту.
За рекой Смородиной
Полыхает Родина. – Ю. Бернадский.

Калинов мост – мост через реку Смородину (*Пучай – реку, т. е. бурлящую*) в русских сказках и былинах, соединяющий мир живых и мир мертвых. Название «Калинов мост» происходит от слова «калить», разогревать докрасна».

Творческим детонатором для Бернадского в труде поэтическом является предвосхищение, что в бесприютной обители души тревожной прорастет семя брошенного им зернистого слова обильным цветением живого первозданного чувства – жить со всем жаром солнца.

Художник слова, создавая свое произведение, стремится всеми возможными лексическими, синтаксическими и стилевыми средствами создать яркую образную картину, воздействовать на аудиторию читателей и вызвать определенный отклик. Для этого используются различные фигуры художественной речи...

Мировоззренческая установка Бернадского незатейлива: кто не верит в себя, тот останавливается на подступах к раю: «Жизнь есть лишь то, что ты думаешь о ней» (император Рима и философ по совместительству М. Аврелий).

У него своя судьба, своя доля и своя мечта – смотреть на мир глазами счастливых людей, потому что у них соблазны и вожделения не подавляют увлеченность, страстность и развитие, и во всякой неудаче они видят новый опыт, новую мораль, новое поученье: «Величайшая слава

не в том, чтобы никогда не ошибаться, но в том, чтобы уметь подняться всякий раз, когда падаешь».

Важно у Бернадского – ощущение движения, он, как Демон Лермонтова, постоянно движется, стремится к действию, летает в небе между облаками, светилом, наслаждаясь пеной рек и шумом лесов, дубрав:

Вальсируют звезды, и как в колыбели,
Уснувшую... тихо качают луну... – Ю. Бернадский

Его трон, – осмелившейся отказаться от бессмертия, находится среди сердец людских. Дух мятежности, а не «Кассандры вестник несчастий», сочетается у Бернадского с тотальным добром и всесильем любви. Читателю импонирует способность поэта передать всю емкость настроения, величие силы духа, умение управлять собственными страстями при помощи высокой лексики и завораживающих слов: «Калиных ягод багряный салют».

Творит огненно и остро, живет азартно, проявлением эмоций, настроений – не цепенеет, внося в мир свои неповторимые бернадские стили – воспевание незримой связи звезд, пространства и человека. Да таким проникновенным и чувствительным словом, когда хочется ему душу отворить, чтобы растворилась печаль, вернулась ласточкой молниевидной изъятая из жизни весна и почувствовать как светла жизнь и так красива, будто на белый снег упали янтарные грозди рябины: «*Что сбудется все непременно, как в сказке...*».

Считает, что ярко жить – это самое главное для человека, и тогда все, что укрепляет корни жизни – свято, благословенно.

Легче согреть камень, чем разбудить сердце человека. Камни остаются камнями, что бы с ними ни произошло, а вот люди могут потерять свое человеческое начало, их сердца могут закаменеть... Самый холодный камень может быть согрет солнцем, и, если к нему прикоснуться, он отдаст свое тепло. А вот сердце человека замерзает до такой степени, что вернуть ему былое тепло не в состоянии даже самое жаркое солнце и, чтобы отогреть его, надо иметь огромное терпение, потому, что иногда на это уходит вся жизнь. Это явление Достоевский обозначил, как *умиление своей мерзостью*.

И здесь Бернадским острым плугом входит в обветшалое и пресное сознание современников, уверяя, что наша жизнь – это море, по которому мы должны идти бесстрашно, как по земле, и осознавать, что все в жизни происходит по необходимости, через борьбу и преодоление; проводить день без тревоги, трусости и притворства; а для этого быть теми, кто помнит и знает, о чем помнить, чему молиться и не «*собирать себе сокровища на земле*»:

Вечной юности у неба не проси...
Лишь тепло души лицо преобразит. – Ю. Бернадский.

Глава «В каждом человеке есть солнце...»

Поэтическая субстанция Бернадского наполнена двумя питательными стратами: в первом измерении – он сам трепещет и чудно воспекает незримую и непостижимую мандельштамскую связь звездного неба, пространства и человека, – и читателя она заставляет трепетать; во втором – он проникает вглубь человека, заставляет читателя прислушиваться к голосу внутри самого себя. Он учит понять мир и понять самого себя – радостная картина весеннего дня в образе *«цветущей черемухи»* и осени в образе *«соленого бриза»*.

Своим поэтическим освещением Бернадский, как вавилонский халдей – прорицатель, превращает тутовое дерево в шелк, глину – в грозный замок, кипарисовое дерево – в святыню, а прядь овечьей шерсти – в царские одежды:

Нынче – я не тот, что был вчера.
Образно, пространственно, духовно.
Я вчерашний канул в вечность, словно
Возродился заново с утра. – Ю. Бернадский.

В каждом дюйме его поэтических сюжетов присутствует властитель мыслей, царствующий по-римски: щедро и великодушно. Бернадского имел ввиду Рабиндранат Тагор, когда-то писавший: «В день, когда смерть постучится в твою дверь, что ты предложишь ей? О, я поставлю пред моей гостьей полную чашу моей жизни. Нет, я не отпущу ее с пустыми руками».

Апофатичные талант и энергия, корпус энтропии, обрушивающий свод примитивно устроенных, амебных мыслительных каркасов и конструкций. А потому Ю. Бернадский монументален, как древний колдун и волхв, служащий одновременно и языческому богу Перуну и новозаветному Христу, но никогда, ни в каких тенетах рая и кругах ада – Мамону, змию золотому, обвивающему души: *«Не прикрыть ничтожество свое, // Набивая брюхо и карманы...»*

Бернадский возвышается приметно, он не истертый камушек, он камень на поэтическом небосклоне Новосибирска – уделе императора, властителя и держателя спроецированного, как лазером, метаисторического чертежа под названием «Я и Жизнь – вместе мы сила!»

С ним, подобием сияющему жемчужному перлу, он вошел в поэтический мир Новосибирска и за пределы его, как однажды как сама Россия вошла с императором Петром Великим, императрицей Екатериной Второй и властителем дум Пушкиным в число великих держав: *«Поселюсь в далком – далеке, // Чтобы мир мог лишь глядеть мне в спину»*.

Планктон окаменевший, реликтовая сомнамбула, дремлющая под толщей массы инертной – это не о нем и не про него. Свободный черт ему дороже повязанного ангела, он – по пути с теми, кто не превращает мечту в пытку, жизнь в святость, не мыслит о насилии судьбы – не воет, не ноет и не скорбит – и исторгает из жизни чудо и загадку:

– «Я знаю, легко простонать, что ты разбит, легко сказать, что ты проиграл, и сдаться. Но я приучаю себя сопротивляться всем невзгодам, смело идти вперед навстречу и горю, и радости. Никогда не сдаваться. Безнадежно, но драться. Все, что нас не убивает, нас укрепляет. Проиграть, но не потерять честь и совесть и не пасть духом. Не отказываться от мечты, не предавать ее, и не оставлять надежду начинать все заново... Отступать не просто „еще рано“, а „всегда рано“... Не отступать и не сдаваться. Никогда и никому...»

Творчество Юрия Бернадского всеми своими корнями оттуда, из времён классических од и предельного философского поэтического сосредоточения. При этом, запечатлевающее глубокое эмоциональное и духовное измерение современного человека – здесь Бернадского никак не заподозришь в подражательстве, угодливости или намеренной стилизации:

И глаз твоих цветущие сады
В себя вмещали мудрость и беспечность.— Ю. Бернадский

Неуловимая и тонкая лирика, похожая на аромат дорогого одеколона и дорогих сигар. Очередная попытка поймать ускользающее, остановить мгновение. Непередаваемо взволновал момент, когда я, автор данных строк, вдруг «почувствовал кончиками пальцев» всю красоту мира – Бернадский будто изящно закольцевал стихию времени, создав «эффект неожиданного» – не визуальное, тактильное восприятие окружающего:

В самом себе – и то не разберешься.
А мыслей столько, – хоть сноп вяжи! – Ю. Бернадский.

Бернадский не верит – в проклятия, суеверия, «драконовые зубы» человеческой души, в «звериный оскал лика человеческого» (Шопенгауэр). Он идет своей дорогой – без страха и сомнений, никому не завидует и не подражает, не сожалеет, не обвиняет и не оправдывается, ни нужда, ни бедствия, ни раздоры не мешают ему.

Его нравственный камертон извлекает основной простой тон, незатейливый узор слов: «Хоть плохо мне, но это не причина, чтоб доставлять страдания другим». Он верит в себя, верит тотально, вера в смысл бытия для него – шелковый путь, ведущий от сердца к уму, победы добывает собственноручно, как рудокоп руду в коях:

К чему высота, если взята без боя?
А в драку ввязался – себя не жалею. – Ю. Бернадский

Когда-то именно такая «внеземная» вера вела фигуру загадочного и величественного пророка Моисея к оазису – земле благодати, обещанной Богом в качестве награды за выпавшие испытания.

Авторское отступление:

– «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Бог знал лицом к лицу... и по руке сильной, и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля» – Библ. (Второзаконие) (В. Леонов. из книги «В раю снег не идет»).

Бернадский словно приобщает нас к счастливой истории, освещает нашу судьбу и открывает ее глубокие тайны, неземную веру – видеть во всем «божественное истечение» Доброты, Любви, Веры: «Всякое движение и бытие имеют начало в душе» (Платон).

Это Урок Бернадского и Открытие – для нас: новых фактов, новых мыслей, новых красок жизни, новых сторон нашей души – неординарных и многогранных, сверкающих, как Полярная звезда и Южный Крест на темном небе: ««Тот, кто хочет, зачастую делает больше, чем тот, кто может» (Г. Марри):

Для тех, кто позитивно мыслить начал,
Счастливые наступят времена. – Ю. Бернадский

Своим поэтическим и философским даром, лучами мыслей и слов, коктейлем речевых оборотов и словосочетаний Бернадский, словно Вергилий в «Божественной комедии» Данте дает каждому из нас общий сценарий, ставший архетипом здравого смысла человечества: «В каждом человеке есть солнце. Только дайте ему светить» (Сократ).

Мы очарованы эпикурейской мощью поэта, мы поддаемся его апокалипсическим убеждениям и словесной инквизиции, проводящей полную инвентаризацию всех наших внутренних темных подвалов; мы начинаем размышлять, открывать неношенные возможности, творить

и воплощать свои мечты, на многие привычные вещи изменять угол зрения и точку отсчета и просто жить в Процветании, назначив жизни собственную цену и создавая собственные ценности: «Легче зажечь маленькую свечу, чем клясть темноту» (Конфуций):

Все побеждает искренность твоя.

И мир спешить стать искреннее тоже. – Ю. Бернадский.

Глава «Просто верю...»

Ю. Бернадский— это сильное культурное явление, которое стоит вертикально на линии земли, линии змеи. Стоит под искрящимся снегом, под летящим листопадом, в алой заре, в сверкающей синеве, в непрозрачном молоке зимы.

Стоит – намокаемый дождями, продуваемый ветрами, под ласковым и удивленным солнцем. Стоит – и уже навсегда, потому что «...*делает то, чему быть... чему предопределила рука Твоя*» – (Библ. Новый Завет).

Он способен радоваться и коронованному солнцу, и «сиятельному вельможе» – месяцу, и просто любой житейской прелести. Древний мир приблизительно следующими словами описывал такое состояние: «Величайшее счастье, о котором я ежедневно прошу небо: пусть буду превосходить себя в силах и знания»х:

Душе и радостно и любо.
Глухарь, как приглашение в рай,
Тащил, токуя, крепким клювом,
Как будто солнышко за край. – Ю. Бернадский.

Он строит самую высокую башню на земле. Литературную Вселенную. Поднимается к ней по лестнице, по ступенькам веры, как библейский пророк – «*верь в себя и другого не проси*» – и ступенькам разумения, как афинский мыслитель – «*все свое ношу с собой*».

И всегда оставляет ту ступеньку, на которой стоял, чтобы идти дальше, выше. Это есть источник его счастья и наслаждения. В это время, этот миг, этот момент. А большего он и не хочет, потому что несет в себе это древнее правило мира: «*Куда бы ты ни шел, иди со своей душой*»:

Света с тьмой не окончена битва.
И Земля, содрогаясь, гудит.
И кРА – мольников к Солнцу молитва
Сквозь пространства и время летит. – Ю. Бернадский.

Это о нем, поэтической Вселенной, было сказано в те далекие библейские времена:
– «Когда Творец задумал сотворить человека, ангелы разделились на несколько групп: одни говорили Ему: «Не твори», а другие говорили: «Сотвори».

Милосердие сказала – создавай, потому что он творит милосердие.

Истина сказала – не создавай, потому что весь он – ложь.

Правда сказала – создавай, потому что он вершит справедливость.

Мир сказал – не создавай, потому что он – сплошные раздоры»:

Нас судьба пытается оптом,
Будь ты грешник или свят.
Зазевался – и растоптан.
А доверился – распят...

От судьбы не отрекаюсь.
Пусть какая есть – моя. – Ю. Бернадский.

У него человеческая натура возвышается над саном. Для этого он держит на высоте и душу и уверенность в своем уме. Ведь происходило в истории, когда Великий Август больше гордился тем, что он человек, а не властитель; Петр Великий – тем, что вместе с простолюдином строил корабли; Екатерина Великая – что приравняла перо к короне...:

Даже если не веришь ты в Бога,
Час настанет... Как знать... Не ершишь.
Может статься, что это – дорога,
На которой вся держится жизнь. – Ю. Бернадский

Поэтический мир Бернадского вызывает наполняемость чувств силой духа и силой цели, победы Добра над Злом, его строки, как стражники перед пещерой, в которой скрывался маленький Зевс от кровожадного Кроноса; как боги Посейдон и Аид строят неприступные стены Трои, совершают подвиг Геракла, доставляя нам из сада Гесперид золотые яблоки, сродни живой воде, дающей вечную молодость, дерзость, страсть; в образном русском народном воплощении – «ломают иглу Кашея»:

Дороги, друг, поверь всему началу.
На том стоим, о том поем.
От перевала рвемся к перевалу, —
То спуск крутой, то медленный подъем. – Ю. Бернадский.

Он выторговал у судьбы одну привилегию – привилегию *Феникса*, возрождения и обновления – в делах, таланте, победе. Во всем, ибо новизна всегда возбуждает восхищение и интерес: «...показывайся, как солнце, всякий раз в новом блеске» – Б. Грасиан.

Он из фаланги современников, вскормленных «молоком дикой capitoлийской волчицы» (основная мифологема в истории, героизирующая личность, наглядно – картина Рубенса «Ромул, Рем и волчица») – жаждой Свободы и Правды...:

Дней запас не иссяк и не прожит.
Пусть пройдет даже тысяча лет,
*РА*зобщить нас и время не сможет,
Мы отыщем дорогу и след...

Поднимает до Солнца и выше
ВеРА в нашу незримую связь... – Ю. Бернадский

Стихи Юрия Бернадского – идеал для чтения, бороздят наше сознание, мы вместе с ними растем и созреваем, учимся отвергать...совместность между Христом и Велиаром... храма Божия с идолами...» (от Луки.), освобождая свой дух от ребяческих мелочности, гремучих рифм и пустых словопрений, а головы – от побрякушек, где не зародилась ни одна истина.

Они – глубокие и сильные, умные и добрые, нежные и ласковые, с пушкинским «веселым призраком знаний и свободы»; все мысли и чувства, как на подбор, удивительны, неповторимы, от них так сладко томится душа, по – римски, по – царски, по -маяковскому красиво: «Я знаю – //солнце померкло б, //увидев наших души золотые россыпи!» (Маяковский) – ведь стихи Бернадского не молят о легкой жизни, а молят о том, чтобы ты стал сильнее, – при всем разнообразии отлиты в единую форму, создают цельную умственную силу, – самого автора Ю.

Бернадского, – воплощающую в себе древнюю аскезу: «Шестерки не становятся королями, в какой бы парик они не рядились».

Жизнь — это воля, а не фарт,
Терпение, а не упрямство.
В одном лишь только постоянство,
Что каждым утром — новый старт. – Ю. Бернадский.

Мудро и просто лирика Ю. Бернадского освещает события и явления, сопоставляясь с суждением Б. Кастильоне о том, что «...талант мастера... если он сумеет избавиться от самого большого порока, деланности и неестественности... как говорится, притягивания за волосы...» и просветленным сознанием И. Гете: «Кумир моей жизни – реальность».

Линия литературного стендапа, монологи и откровения лирического героя, отождествленного с автором, проявляется отчетливо, как библейские сюжеты в гравюрах Г. Дюрера, оптимистично и жизнеутверждающие – без изнуренного психологического бурлачества, которое тащит на себе баржу со страхами, сомнениями и депрессиями:

Зачем палить по нервам из двустволок?
Пусть жизнь не праздник... но и не война...
Понадобится вряд ли косметолог,
Когда душа гармонии полна...

Поверь, что песни все еще не спеты,
Все так же в венах кровотока звенит... – Бернадский.

Возникает ощущение, что для поэтической гуманистической души Бернадского стук колес подвод, подвозящих хлеб голодным, важнее «Сикстинской Мадонны» Рафаэлла, «Моны Лизы» Леонардо да Винчи и статуи Давида Микеланджело..

Поэтика Бернадского одновременно и камбэк (возврат к прошлому), мифологема и подлинник пути, отражающая представление о человеческой жизни как странствии в мире, который больше, чем тот, что стоит перед нашими глазами.

Его стихи – они носитель нашего человеческого смысла, позволяющего нам и менять мир и изменяться вместе с ним. Этот мир пронзает нас. Он воет, «как стрелецкие жёнки», каменеет, как мать распятого Иисуса, и видит смысл будущего в сбережении памяти и скорби. Передаёт мученический опыт человека. Он – немой свидетель роста, бунта и распада человечности в ойкумене существования:

И прозябая в самоистязанье,
Один и тот же крутишь ты мотив...
Ты сам себе назначил наказание,
Все больше погружаясь в негатив... Ю. Бернадский.

А главное – он выразитель общечеловеческой (христианской) аскезы: «... каждая смерть убеляет меня, ибо я един во всем человеческом...» (Библ.), потаённая святая вера на краю гибели, торжество человеческого духа, правды и исторической справедливости над «дряхлым стариком Произволом».

И он же, мир Творца, привнес в мир человека вот это пасхальное полнолуние, апогей человеческого бытия – Наилучшее украшение жизни не убранство и место, а жажда «Быть».

Та внутренняя сила, которая выше сплина, Млечного Пути и Южного Креста. И звучащее в лексическом ритме Бернадского победоносно:

Я буду правду говорить.
Мне много раз грозили пыткой,
Но – истины поклонник пылкий —
Я буду правду говорить. —
Ю. Бернадский. Монолог Джордано Бруно.

Не филологические трепетные изыскания, а замечательная человеческая энергетика, боль и искренность – «Ты в ответе за тех, кого приручил» – говорят о его эмоциональности, о его вопросах к миру, о его ответах миру. Высвечивая мифопоэтическую изнанку обыденного мира, Бернадский отыскивает в житейских вещах ту силу светлого смирения, которого праведники ищут в вере и сострадании:

Торжественность наших обрядов,
Густой аромат придорожной полыни
Мы вам завещаем для Города-сада,
Где Совесть и Родина станут святыней. – Ю. Бернадский.

Чтобы в жизни было меньше сюжетов, о которых – в этой притче:

– Почему ваша ванна наполнена льдом?

– Там лежит душа. Лёд замедляет процесс ее разложения. А вот и комната, которую я сдаю. Она опустела совсем недавно.

– А кто в ней жил?

– Мечта.

А больше – других и надежных: никогда ни на кого не надеяться, никогда ни от кого ничего не ждать. Не выть, не ныть и не скулить. Не искать оправдания, не винит других за свои ошибки и свои недостатки. Не жаловаться на качество жизни. Просто взять и сделать все самому – это намного проще: «... Видеть цель, не теряя из виду...// Нам по силам большие дела... Чтoб крутил водоворот// Чтoб под напором весла гнулись» – Ю. Бернадский..

Его культурный свод самобытен, лингвинистически выверен, грамматически верный и лексический насыщенный пласт русской словесности. С томиками стихов Бернадского уже не расстанешься! В древности звучало так: «Поддай учителя». Потому что поэтика Бернадского превращает наши трудности в новый опыт, новые знания и новые таланты, ибо зачастую «... Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего, все их знание на поверхности, вся их душа – вне их» – Чаадаев. «Философическое письмо». 1836.

В поэтике Бернадского нет яда и желчи. В ней- прелестная сила весны, цветущие и благоухающие акации, звонкие трели соловьев и веселое журчанье ручьев. В ней – душевное внутреннее достоинство, неповторимое в своем обаянии, покоряющее и притягивающее простотой и ясностью жизненных аксиом: «Тому, кто собирается в один прекрасный день научиться летать, следует сначала научиться стоять, ходить и бегать» – Фридрих Ницше. В ней говорит сама любовь, которая живёт в нас!!! Об этом когда-то писал Лермонтов: «Удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какою была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять».

В этом держателе лиры полностью отсутствует потребность кому-то что-то доказывать, он – носитель гармоничного единства внутри.

Самодостаточное и самостоятельное явление. Кто-то зажигает свечу, кто-то фонари, кто-то звёзды. А он... зажигает глаза других людей счастьем... и тонко связывает противоположности, контрасты и несовпадения в единый Марафон Жизни (буквально «быть тем же самими»).

* * *

«Казус человека». Его двойственность.

Мы познаем Жизнь как женщину в молодости. Мы снимем с нее одежду фактов, различий, примет. Мы с придыханием владеем ее телом, насыщая собственную физиологию, живя в обманчивости, что мы познали все в ней – и анатомию, и физиологию, и характер, а капризы разложили на частности, сделав их простыми, незатейливыми и прямолинейными.

А вот когда мы хотим поймать ее душу, чтобы понять и навек сделать одалиской- прислужницей, рабыней, – душа жизни ускользает от нас, как ускользает взгляд даже любящей женщины. И только с годами мы понимаем, что тайна Женщины, Жизни, не в ней самой, а в нашем ослеплении своими мечтами и надеждами, идеалам и миражами. (Античный Еврипид в своих драмах воспользовался этим «казусом человека», чтобы отмежевать человеческую волю от божественной).

И Бернадский это понял и этим воспользовался:

Восходит миф из древности веков.
Пылали злобой грозных судей лица.
Был сброшен в пропасть вместе с колесницей
Вступивший в спор с сильнейшим из Богов. —
Ю. Бернадский. Фаэтон.

Поэт музыкальности – мелодичного напевного стиха, обобщенного мотивом «народной мудрости» – мечтательного русского фольклора:

Красота – это искренность в радостный миг, или горе.
И цветок, что бурлящий поток безвозвратно унес.
В дуновении ветра над гладью спокойного моря,
Или в грохоте волн штормовых о могучий утес – Ю. Бернадский.

Для него, прежде всего, существует человек – живой, антропофил, конкретная явь сущего и – земля, на которой он работает.

Печать исторической эпохи лежит на всех делах Бернадского: обычный человек с его естественным стремлением к счастью, наслаждению и беспощадная страсть к творчеству; порой она сводит на нет все личные желания...

В поэзии – божественный, мудрый и сердечный. Явления, протекающие энергично и постоянно в его собственной натуре, вместившей не только мир русского, но и человечества русского:

С нас судьба когда – то спросит строго...
Чтобы я не заплутал в пути,
Верную всю жизнь торил дорогу
Предок мой – «идуший впереди».

Семят наследник по следу,
Молодой шумит листвою лес.

Буду я когда – то, канув в Лету,
Пращуром на мир взирать с небес – Ю. Бернадский.

Да, музе своей служит всегда с чувственным благородством; всю свою короткую мятежную жизнь стоит перед Ней в почетном карауле и выплачивает сполна дань всем великим явлениям, образам и мыслям, всему тому, что чувствует и вынашивает в себе Россия. Так свежо и целомудренно страстно им произносится и горячо объясняется:

Я полон презрением до дрожи,
И нет толерантных идей,
Когда замечаю похожих
На гадов ползучих людей. – Ю. Бернадский.

Он, выражаясь фигурой речи, есть поэт – Торос Зримый, внешняя часть невелика, но подсознательно угадывается огромная глубина человека: лирика, мыслителя и воспевателя красоты. Сопоставимое, сличимость, идентичность с записью Мандельштама: *«Немота – как кристаллическая нота, что до рождения чиста»*:

Ум, доведенный до сжатой поэтической пружины – точный контур фигуры Бернадского. Жизнь осмысленного человека представляется ему как *«...незримая связь Души со Вселенной... с Всевышним началом... Эта связь вдохновляет и преображает»*.

Но... звучит печаль Бернадского, как в легенде о «Летучем голландце» – он хочет пристать к берегу, но не может – о том, что *«Небо с каждым из нас говорит... но услышать Нам, увы, недосуг»*. Ему становится не по себе, будто какая – то «длань незримо – роковая» накрывает нас темнотой *«... И летим в облаках неизвестно куда»* (Ю. Бернадский). Говоря языком образов, языком Тютчева: *«Жизнь, как подстреленная птица, //Подняться хочет – и не может...// Нет ни полета, ни размаху»*.

Да, поэзия Бернадского – это поэзия охвата широты и смысла, она – антипод, враг внешней «отрицательной узости» и «внутренней рептилии», дезавуирует предвкушаемое удовольствие о своем поэтическом мире как «сладкой вишенки».

Его метафора «Прогнозам вопреки» прочно прижилась в отечественной поэзии. И томится поэтика Бернадского, как деревенское молоко на печке, как нельзя вовремя всплывает фраза русского поэта Хлебникова (в переиначивании): *«... смотрится, как глаза Бернадского»*:

И на снегу костер мне долго будет сниться,

И звезды – как глаза напуганных зверей,

Проверенных друзей обветренные лица,

Что помогли мне стать немного, но добрей. – Ю. Бернадский

Бернадский – поэт с неподражаемым ощущением вселенной. Бытие мира осмысливается поэтом как преодоление времени и пространства, как всегда бесконечное движение... Сличимое с брюсовским: *«Пусть боги смотрят безучастно смотрят на скорбь земли, их вечен век»*.

Этот эпический взгляд позволяет Бернадскому узреть принципиально другую картину, отличную от узкопартийных воззрений современной интеллигенции – это воззрение с явным

отсутствием исключительности и оригинальности, в очевидных предпочтениях подражательности, тавтологичности, самоповторяемости, самоперепевности и других «общих мест» текущей поэтической и интеллектуальной моды.

Его поэтическое бунтарство выглядит так:

Не мелочен наш Бог и не придирчив
К тем грешным, кто решил по правде жить.

Сквозным рефреном проходит к бунтарству Цветаевой:

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!...

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Каждый его стих – это запечатленное мгновение, словно вспышка магнии или молнии. Это ощущение нервного спазма от мощи природы, благоговения перед ее силой, бьющей огненным фонтаном из его неведомых недр: *«За поступки свои отвечать головой, -// Надо мужество ныне и после...»*.

Тема души – и музыки и слова, *«всего живого не нарушаемая связь»* (Мандельштам):

Ждет нас доля иль недоля,

Дружбы свет или мрак вражды?

Лишь любовь к труду, и воля, —

Вот лекарство от нужды... – Ю. Бернадский.

Перед лицом разных мирозерцаний, в поэзии Бернадского соответствие дум и чувств, ответ их друг другу, иерархия, выдержанная последовательно и до конца. Это – искусство диалектического сочетания конкретного и вечного, природного и человеческого позволяет Бернадскому придать характеру своих стихотворений полноту и жизненную убедительность.

Ту самую *«нелукавую серьезность»* Достоевского, благодаря которой познается подлинность мира, и которая неразрывна с чувством ответственности за каждую мысль, каждое произнесенное слово. Это мощный труд миропонимания, подвиг самосознания, взыскание «высшей идеи существования», чтобы выразить полностью максимум Достоевского о «всемирной отзывчивости» русского человека.

«Смысл поэзии и искусства вообще, – писал Соловьев, – не в том, чтобы „украшать действительность приятными вымыслами живого воображения“, как говорилось в старинных эстетиках, а в том, чтобы воплощать в осязательных образах тот самый высший смысл жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем как идея добра».

Вот такой художественно-философский и поэтический мир Бернадского, на наш взгляд, входит в духовный микрокосм каждого из читателей, определяя линии его движения и духовного роста. Не декларируемый, а осознанный поэтом и реализованный в жизни:

Выбрать ли для восхождения гору,
Или положе – дорогу свою.
Чтобы найти наконец – то опору —
Дело всей жизни, подругу, семью...

В жизни огонь и азарт пробуждает
Непредсказуемость каждого дня.

Новое будет задание.
В этом завидная участь моя...

Глухо **РОК**очет прибой Мироздания.
Вечный гудит океан Бытия. – Ю. Бернадский

Сильный корень поэзии России. Поэзия не есть для него закланием страшного Полифема – обреченности и темноты. Наоборот, его вдохновительницей, Музой есть «*День летний-затейливо скроенный... // И – пламенный солнца привет*»

Предстает перед читателем выразителем двойственности мифологемы, когда «живая вода» соотносится с «музыкой души», разрешающей противоречие между «Я» и природой, становятся метафорой творчества поэта, метафорой души и подразумевают понимание своего горения как божественной силы, сопряжения души поэта с охваченной вселенским наслаждением и с самой жизнью, источником мироощущений:

Горят полевые гвоздики,
И лету румянец к лицу.
Плывет аромат земляники.
Щебечут пичуги в лесу. – Ю. Бернадский.

Стихотворение «Дикая воля» Цветаевой лучше авторских рассуждений выражает глубинный дух поэта Бернадского, безумную любовь к жизни, судорожную лихорадочную жадность жить: «*Я люблю такие игры, // Где надменны все и злы. // Чтоб врагами были тигры // И орлы! // Чтобы пел надменный голос: // «Гибель здесь, а там тюрьма!» // Чтобы ночь со мной боролась, // Ночь сама! // Я несусь, – за мною пасти, // Я смеюсь, – в руках аркан... // Чтобы рвал меня на части // Ураган! // Чтобы все враги – герои! // Чтоб войной кончался пир! // Чтобы в мире было двое: // Я и мир!»*

И сам поэт вторит поэтессе:

Я в поисках себя не заблудился.
Дом не забыл, от водки не сгорел...
Твой сын вернулся, мать. Остепенился.

Он тем самым умело производить срез психологической действительности человека, рельефно и колко. Весь ряд поэтических сюжетов и образов полон и мысли, и чувств, и рефлексии. То радость, веселье шум, бурные реки, горы, – «громокипящий кубок» (метко у Северянина) то знобящая грусть, печаль, как будто из одного гнезда с поэтом Анненковым мир видит,

как будто оба – граждане «гиены огненной»: «А сколько было там развеяно души / Среди рассеянных, мятежных и бесслезных...» (Анненков).

Бернадский:

Когда вокруг и холодно и пусто,

И в пору волком выть, —

Забытые и образы, и чувства

Случилось оживить...

И в тишине мелодию услышать,

Как будто вдалеке.

...И летим в облаках

неизвестно куда. – Ю. Бернадский.

Бернадская художественная техника – элемент «бернадского штиля» вбирает в себя просьбу Достоевского к человеку в *этот мир с топором не врываться*, совпадает с образом «детей планеты» А. де Сент – Экзюпери – «Все мы дети одного корабля по имени Земля, значит, пересечь из него просто некуда...», семантически питается «Легендой» Достоевского: «...и почти весь вопрос теперь в силах нашего разума, просто в нашей талантливости. Талантливый момент придвинул к нам Бог; сумеем ли около него мы сами быть талантливы...».

Этим поэт добивается того, что легендарный мир стихов, с одной стороны, обретает пластическую реальность, наглядную воплощаемость преданий, былин и традиций в темах и текстах, а с другой – становится миром психологизации, очеловечивания, когда точные слова и чистые чувства, настроения, признания в любви – все живет, меняется, трепещет, пульсирует, все взаимопереплетено и всё возможно, принадлежа не самому себе, суетности, мелькости и разбросанности, а природе, народу, Сущему и Вечному.

Писал по этому случаю Сент – Бев, как личностное, но впоследствии ставшее общезначимым: «Есть только один способ верно понять людей: он состоит в том, чтобы жить подле них, позволить им самим выразить себя изо дня в день и самим запечатлеть в нас свой облик».

* * *

Чтобы в жизни было меньше сюжетов, о которых – в этой притче:

– Почему ваша ванна наполнена льдом?

– Там лежит душа. Лёд замедляет процесс ее разложения. А вот и комната, которую я сдаю. Она опустела совсем недавно.

– А кто в ней жил?

– Мечта.

А больше – других и надежных: никогда ни на кого не надеяться, никогда ни от кого ничего не ждать. Не выть, не ныть и не скулить. Не искать оправдания, не винит других за свои ошибки и свои недостатки. Не жаловаться на качество жизни. Просто взять и сделать все

самому – это намного проще: « ... *Видеть цель, не теряя из виду...// Нам по силам большие дела... Чтоб крутил водоворот// Чтоб под напором весла гнулись*» — Ю. Бернадский

* * *

Поэзия Бернадского, в понимании автора, откровенная оппозиция банальному «жизнь – страдание», оно – родовое понятие «космический звездопад», мифологической реминисценции, символизирующей слияние человека и мира в единстве Красоты, завещанной культурой античности и реализуемой поэтическим мастером Бернадским в полифонии стихий, явлений:

Здесь береза меня повстречала,
Прогоняя душевную хворь...
И на Троицу Русь отмечала
Пятьдесят очищенных зорь. – Ю. Бернадский

А автором книги – в таком художественном слове: «*Лепестки, как будто красочные бабочки, чувствительные своим ярким разноцветьем, закружась в звездной метелице, опускаются на ласковую гладь воды, удивленную дорогу, на багряную крышу деревянного дома...*». И утверждающим восклицанием Тютчева:

«Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ей есть душа, к ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык».

* * *

Как Гарун Аль-Рашид из сказочной «Тысячи и одной ночи» – снимает позолоченный кафтан и одевает платье простолюдина, и как французский суверен Франциск I – не брезгает привечать калик, подавать милость нищим и ночевать в простой хижине, и как герой Бомарше – не заискивает перед сильными мира сего и не принимает от них подачек. И все это отражает в своих стихах, лучах света с душой человеческой:

...звезд холодных противостоянье
Стремимся мы... преодолеть.
Чтобы когда – то дивное сиянье
Воскресло впредь... – Ю. Бернадский.

Поэтическая душа Бернадского – это и способность отражать изменчивые, многозначные и многосмысленные народные настроения под всевозможными углами зрения; это и человеческая мера памяти историй и событий, запечатлевающая путаницу русской жизни, ее жуткую неразбериху и всю историческую катастрофу российской империи.

Предвестьем, предзнаменованием нашей общей трагедии стали слова русского поэта «серебряного века» И. Анненкова, воспетого в строках А. Ахматовой «Учитель». Строки поэтессы цепляющие как реквием: «*Весь яд впитал, всю эту одурь выпил... Всех пожалел, во всех вдохнул томленье – И задохнулся...*».

Вот как писал И. Анненков, прозревший трагизм предстоящего: «...*очень скоро тяжкие и красные когти Судьбы будут, не ведая жалости, бессмысленно и яростно терзать его пока еще ничего не подозревающих современников*».

Добавим от автора данной книги – терзать с такой же бессмысленностью и яростью, с какой они терзали героев древнегреческого драматурга Еврипида («Медя». «Троянки»):

Что нас объединит – нелепая задача —

Походы по грибы, гармонь и сала пуд?

Пока мы в темноте блуждаем на удачу,

Нам делает клистир рассудка Голливуд...

В отходах городов мы безнадежно тонем.

И ищем смысл в эстетике дерьма. – Ю. Бернадский.

Глава « Не ради выгоды, славы и призов...»

Ю. Бернадский вошел в русскую литературу, как поэт тонкой поэзии, поэзии мысли, растворенной в жгучей смеси ощущений и настроений. Поэзии онтологических, укорененных гуманистических идей – читаешь, и «словно лики проплывают // Языческих богов», и душе становится радостно и светло, словно вдруг оказался пред вратами рая: *«Чтобы жить в России, надо быть героем // И пахарем, а не впадать в тоску»* – Ю. Бернадский.

В его стихах – вера в Счастье, Радость и Любовь, он признает их единственным прибежищем человека как во всех испытаниях, так и в поисках земли обетованной – удовольствия и наслаждения Удивительно ласкающие слова для любви и молитвы, подкупающие своей прямо- мотой, искренностью и невинностью

Такой удельный антропоцентризм Бернадского, ставящей во главу творчества антропо- фила – человека, и воспевающей геофилию – землю, на которой он трудится, – его остро не хва- тает современной культуре, запутавшейся в своих экзистенциалистских рефлексиях, флерах и мнимых святостях:

Охали огульно, без разбора
Все прежние устои и места. – Ю. Бернадский

Он высоким октановым числом вводит в поэтический реестр «божественное начало» – систему библейских нравственных ценностей. И приходят на ум слова Блеза Паскаля: ««Суще- ствует достаточно света для тех, кто хочет видеть и достаточно мрака для тех, кто не хочет»...

У него все получается – он творчеством своим, а не славословием и буквализмом восхищает и покоряет – своей солнечной эмоциональностью, своими вопросами миру, сво- ими ответами миру. Обыденный мир он осветляет мифопоэтической оболочкой, вспахивает в житейских землях ту борозду светлого смирения, которого люди ищут в вере, свободе и про- свещении:

Хоть порой мечусь и маюсь
Так, что просто нет житья.
От судьбы не отрекаюсь.
Пусть... какая есть – моя. Ю. Бернадский

Его нельзя заподозрить в неискренности, в добывании славы наигрыванием на худших струнах человеческого сердца. История его тревожной души и судьбы есть история падений и восстаний – веры и отрицания, добродетелей и пороков, любви и разочарования, легкомыс- ленной игры и глубокой серьезности, что и отразилось в сочинениях поэта в глубоких и ярких красках:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.